

Герой жестокого романа

Автор:

Мария Жукова-Гладкова

Герой жестокого романа

Мария Жукова-Гладкова

Ксения Колобова – студентка престижного вуза, дочь любящих и обеспеченных родителей. Сдав экзамены, она отправилась с подружками в принадлежащий отцу ночной клуб «Сфинкс», не подозревая, что вечеринка закончится... взрывом, после которого уцелеет она одна. Ксения теряет все: ей приходится уйти из института и начать новую жизнь – без друзей, без родителей, без работы. Чтобы восстановить свое доброе имя, она должна узнать, кто и почему взорвал «Сфинкс». А внезапная резкость и равнодушие Колобова заставляют ее усомниться в том, что это ее настоящий отец...

Мария Жукова-Гладкова

Герой жестокого романа

Автор предупреждает, что все герои этого произведения являются вымышленными и что сходство с реальными лицами и событиями может оказаться лишь случайным.

Глава 1

Сессию мы с подружками с успехом сдали – и перевалили через «экватор»: два с половиной года из пяти отучились. Говорят, теперь будет легче. Правда, после

первого курса тоже говорили так, но стало только труднее: нагрузка возросла и растёт с каждым годом. Учимся мы в коммерческом вузе, правда, имеющем государственную аккредитацию, активно изучаем экономику, а преподаватели за немалые деньги, заплаченные нашими родителями, дерут с нас по три шкуры. Вообще-то правильно делают. И я обычно не ропщу: если уж учиться – так учиться... Иногда голова пухнет от закладываемой в нее информации. Подружки меня понимают: с ними происходит то же самое.

Теперь две недельки мы сможем отдохнуть. Съезжу за город, похожу на лыжах, отец обещал даже разрешить мне погонять на недавно купленном снегоходе. Люблю скорость! Алена, моя ближайшая подруга, тоже об этом мечтает. Приглашу ее. Вдвоем веселее.

Ритка со Светкой, две наши другие подруги, собираются на десять дней в Таиланд. Послезавтра улетают. В Таиланде я была уже дважды, там, конечно, хорошо, но на этот раз воздержусь. Лень опять лететь через пол земного шара. К тому же страшно захотелось на лыжах и на снегоходе покататься. И Алене будет обидно, если мы все в разные стороны разлетимся. Ее-то отец давно живет с другой женщиной, только обучение дочери оплачивает. А мать – простой врач в больнице «Скорой помощи». На ее деньги по курортам не поездишь.

Сегодня мы отмечаем успешную сдачу сессии – в одном из ночных клубов, в котором мой отец имеет долю. Я точно не знаю, сколько у него тут процентов, никогда таких вопросов не задавала, но меня воспринимают как дочь хозяина. Риткин папа с моим имеет общие дела: он – директор хлебозавода, поставляющего всякие элитные хлеба и выпечку в ночные клубы, так что ее тоже привечают. Алена – моя ближайшая подруга, с ней мы даже в одном классе учились, мой папа ее с детства знает, ну и Светка из нашей компании, хотя у ее отца совсем другая специальность – он врач-гинеколог в какой-то элитной клинике. Алена со своей матерью часто ругается, что та не ту специализацию выбрала или не туда устроилась. Наглядный пример того, как может зарабатывать врач, у Алены перед глазами. Но ее мать, хирург, говорит, что пошла в медицину по призванию – и оперирует то бомжей, то бабулек, упавших с лестницы. И денег с них не имеет. Не то что Светкин папа со своих клиентов.

В общем, наши папы сказали, чтобы мы отмечали успешную сдачу сессии в «Сфинксе», заказывали, что хотели, нам будет забронирован столик. Ну а потом развлекались хоть до закрытия. Риткин папа обещал, что пришлет одного из

своих шоферов (их на хлебозаводе много – и в частности тех, кто хочет подзаработать), чтобы развез нас по домам. Шофер будет нас ждать у входа в личных «Жигулях». Нам сказали номер.

Мой отец настаивал именно на «Сфинксе». Честно говоря, не совсем понимаю почему. И вообще не понимаю, что в последнее время происходит с нашей семьей.

Две недели назад папа сказал, что поживет отдельно. Для меня это заявление прозвучало как гром среди ясного неба. Мне ничего не объясняли. И он и мама уходили от ответов на мои вопросы. После сдачи сессии я попросила отца организовать нам с девчонками вечер в одном из его клубов. Он не отказал, но, честно говоря, я всегда предпочитала «Всадник», папа знал об этом, однако безапелляционно заявил: пойдете в «Сфинкс». Потом быстро смягчил тон и пригласил пожить на даче во время каникул.

Что произошло между ним и мамой? Я все-таки не ребенок, могли бы и открыть тайну мадридского двора. А папа вторит: «Ксения, мне нужно решить кое-какие дела, утрясти кое-какие проблемы. Увидимся с тобой через пару неделек и все обсудим». Но пара неделек уже прошла, а папа, когда я ему звонила, чтобы договориться о вечере в клубе, заявил, чтобы я сама связалась с дядей Леной и решала этот вопрос с ним. Мол, дядя Леня все устроит в наилучшем виде. Папа, видите ли, не хочет меня смущать. Да когда он меня смущал-то?

Дядя Леня – давний партнер моего отца, я его знаю с рождения. Они вместе создали эту сеть ночных клубов. Не знаю, есть там еще какие-то акционеры, но папа и дядя Леня – два главных совладельца.

К трапезе мы приступили в восемь вечера, насытились, поплясали, выпили кофейку, а затем стали чередовать потягивание коктейлей с танцами. Мужиков в клубе собралось не так уж и много – все-таки среда, завтра рабочий день, но нам хватало. Подолгу мы за столиком не сидели. Вообще с народом в «Сфинксе» было негусто, дядя Леня специально попросил нас выбрать день в середине недели. Подозреваю, что причин было несколько, и главная – ему спокойнее, когда за нами присматривают, все на виду и невозможно раствориться в толпе дрыгающихся тел.

«Ночные бабочки», обретающиеся тут постоянно, явно были предупреждены, кто мы такие, и взглядов-молний не кидали, да мы и не собирались составлять им конкуренцию, отбивая клиентов. Мы с девчонками все мечтали встретить своих принцев и отдаться им только по любви. В свои девятнадцать я считала, что любви за деньги быть не может. Я много чего считала в то безоблачное для меня время. Правда, моим взглядам на жизнь было суждено резко измениться, причем в самое ближайшее время.

В начале двенадцатого в баре появились двое холеных мужчин лет тридцати пяти, в строгих темных костюмах и при галстуках, на которых при попадании лучей света поблескивали булавки с бриллиантовыми шляпками. Господа как-то сразу выделились среди тусующейся публики. В общем-то, «Сфинкс» считался молодежным, более старшее поколение сюда заживало редко. Для них имеется достаточно других заведений. С другой стороны, «Сфинкс» не был и наркоманской тусовкой (мой отец и дядя Леня подобного никогда не допустили бы), хотя при желании таблетки и коку можно было прикупить и здесь, о чем нам с подружками было хорошо известно. Но это никогда не делалось в открытую.

Ритка со Светкой периодически баловались экстази. Я, откровенно говоря, боялась: папа с мамой проводили со мной соответствующую работу чуть ли не ежедневно. Мне, конечно, очень не нравилось, что мою сумочку время от времени проверяют, я устраивала скандалы, но в глубине души все-таки понимала, что родители пекутся о единственной дочери – и правильно делают. А папа, как совладелец сети ночных клубов, точно знал, что такое наркотики и какое распространение в городе они имеют. Алена не рисковала из-за матери: та, как врач, сразу же заметила бы, что с дочерью что-то не то. А у Светки с Риткой родители не замечали. Один раз только у Светки мама спросила: «Доченька, что у тебя с глазками?» – «Просто устала», – ответила дочь, и мама этим удовлетворилась. Ни у меня, ни у Алены такой ответ не прошел бы.

Появившиеся в «Сфинксе» мужчины заказали какое-то спиртное (вскоре им подали что-то красноватое в высоких бокалах), взгромоздились на круглые высокие табуреты у стойки, развернувшись лицом к залу, и, лениво потягивая спиртное из бокалов, обводили взглядом танцующих.

Вскоре в их поле зрения оказалась наша компания – мы сидели у противоположной стены, чуть правее.

Новых посетителей заметила не только я, но и мои подружки.

– Я этих двоих где-то видела, – заявила Ритка и стала усиленно вспоминать, где именно, правда ей это не удавалось.

Мне показалось, что я узнала только одного – блондина, но и я тоже не могла сказать, где мы пересекались. Но ведь точно видела. Зрительная память у меня великолепная. Шатена, по-моему, не доводилось – или я не обращала на него внимания. Я предпочитаю прибалтийский тип. Может, это гены говорят – бабушка по матери у меня литовка.

Мужчины задержали на нас взгляды, потом продолжили осмотр. «Ночные бабочки» в супермини и боевом раскрасе их нисколько не заинтересовали. К ним подошла леди в длинном вечернем платье, произнесла пару слов и покинула зал. Тоже из отряда «ночных бабочек», только повыше классом? А вообще какое мне дело?! Господа продолжали лениво переговариваться, потягивая коктейли. Бармен, дядя Жора, сновал за стойкой туда-сюда, протирая бокалы и демонстрируя бурную деятельность. Вот бы как-нибудь к нему подобраться, так, чтобы эти двое не слышали, и спросить, кто они... Дядя Жора всех и все знает.

Мои подружки тем временем начали обсуждение новых мужиков. Все согласились, что они – истинные самцы (как говаривали в нашей компании). Маменькины сынки и хлюпики нашего внимания обычно не достаивались. Лучшей характеристикой парня была именно эта: самец, истинный самец. Худшей – полный козел.

– Девки, вы взгляните, какие у них литые плечи, – вздохнула Светка. – Но вид не бандитский. Приличный.

– Да, таких можно и маме представить, – заметила Алена, которую всегда волновал вопрос, как мама посмотрит на ее нового друга. Или подругу. Кстати, тетя Вика из Алениных подружек принимала только меня, Ритка со Светкой ей не нравились, о чем мне Алена рассказала по секрету – не скажешь же девчонкам? О том, чтобы завести прихехешника (как мы их называли) костоломного вида, для Алены не могло быть и речи. А мне говорили: главное, чтобы человек был хороший. Правда, как я предполагала, хороший человек должен подойти в партнеры папе, а следовательно, его задача – обладать определенными деловыми качествами, вращаться в деловых кругах, иметь кое-какие связи. Но я пока о семье не думала. Ритка со Светкой по этому поводу ничего не говорили. Замуж в обозримом будущем они тоже как-то не

собирались. Нам всем хотелось еще погулять.

- Девки, я больше не могу, - застонала Ритка. - Хочу кому-нибудь отдаться.

- Ну так в чем же дело? - спросила я. - Отдавайся.

Но нас было четверо, мужиков - двое, мы были уже достаточно пьяны и хотели приключений, только не знали, как нам поделить этих двоих, пока даже не догадывающихся о наших намерениях. Но мы в тот вечер гуляли... Алкоголь ударил в голову, и мы придумали новое развлечение: делить последних прибывших в клуб мужчин. Из тех, с кем мы танцевали весь вечер, мы ни на кого не запали. Да и нам, откровенно говоря, никаких конкретных предложений не поступало. Возможно, все мужчины или знали, или были предупреждены, чья я дочь и что за родители у моих подружек. Дядей Жорой, например. Или «ночными бабочками». Чтобы мы у них клиентов не отбили.

- Нет, где я все-таки их видела?! - вопрошала Ритка. - Пойти спросить, что ли?

- Дура! - прошипела Алена. - Что они о тебе подумают?

- А плевать я хотела! Я не хочу уезжать отсюда одна. Или с папиным шофером.

Ритка уже растягивала слова и смотрела осоловевшим взглядом. Подозреваю, что сама была в близком состоянии, но все-таки трезвее, и самой идти к мужчинам мне не позволяло мамино воспитание, гордость, а главное, мысль: что они обо мне подумают? Это всегда было сдерживающим моментом для нас с Аленой. Но не для Светки с Риткой.

Светка засомневалась вслух, не примут ли нас за проституток, если мы сами проявим инициативу. Ритка заявила, что эти самцы уж точно имеют большой опыт общения с женщинами (всякими и разными) и в состоянии отличать приличных девушек (нас) от ночных леди.

Внезапно из двери, ведущей во внутренние помещения клуба, где располагались кабинеты персонала, выглянул дядя Леня. Как я поняла, он сегодня за старшего (они с папой обычно появлялись в клубах по очереди, хотя в каждом и имелся старший менеджер). А папа, значит, не желает со мной встречаться? Но

почему?! Даже если они решили разойтись с мамой (хотя я очень надеялась, что сойдутся опять), я-то тут при чем? Я в чем виновата?

Заметив двух мужчин у стойки бара, Леонид Тарасович сразу же затрусил к ним, поздоровался за руку, о чем-то спросил. Ему ответили. Хозяин широко улыбался, проявляя высшую степень радушия. Ценные клиенты? Почетные гости?

– Ксюха, дуй к дяде Лене, – прошипели девчонки почти хором. – Выясни, кто такие. А мы тут пока оборону держать будем.

– Какую оборону? – мне стало смешно. – На нас кто-то нападает?

– Лучше бы напали, – заявила Светка.

– Я сдамся без боя, – добавила Ритка.

– Вот он от них отщепится, и пойду, – пообещала я. – Лучше даже, когда вернется к себе. А может, он додумается к нам подойти?

Мы снова уставились на мужчин жадными взорами, облизывая пересохшие губы. По большому счету, больше смотреть было не на кого. Наши танцевальные партнеры (которые, как я уже говорила, рассматривались только как раки на полном безрыбье) уже или покинули заведение (все-таки завтра – рабочий день), или переместились к ночным феям договариваться о цене. Нам было скучно, а продолжения хотелось. Поэтому каждая уже настроила в голове воздушных замков... О существовании которых двое мужчин явно даже не подозревали.

Дядя Леня поговорил с заинтересовавшими нас господами минут пять, потом перекинулся парой слов с барменом, глянул в нашу сторону и направился к двери во внутренние помещения.

Заиграла быстрая музыка.

– Так, Ксюха, мы пойдём спляшем, задницами покрутим, а ты дуй на разведку. Выполняй партийное задание, – хохотнула самая пьяная из нас Ритка и первой встала из-за стола, чуть его не перевернув.

Мы все последовали ее примеру (не в плане опрокидывания столов, хотя этот клуб видал и такое), девчонки вышли на центр круга (там пока никого не было), а я рванула к нужной двери. Мой вояж никого особо не заинтересовал. В спину не свистели, не кричали, топота ног не последовало. Я никому не нужна?

С дядей Леней мы, можно сказать, дружили с детства (моего). Своих детей у него не было, хотя он теперь и имел уже третью по счету официальную жену. Возможно, поэтому он и привязался ко мне, дочери давнего компаньона. Дядя Леня частенько заглядывал к нам домой, всегда мною интересовался, мы с ним, случалось, вели доверительные беседы, причем на темы, которые я не могла обсуждать с родителями. Так что я могла задать ему все интересующие меня вопросы о новоприбывших (и вообще о ком угодно) и не опасаться, что он заложит меня маме с папой. Кстати, поговорю-ка я с ним и о папе: хотя сейчас, возможно, не время и «Сфинкс» – не место, но ждать я больше не могу. А дядя Леня явно в курсе наших семейных дел.

Дверь открывалась в коридор, в котором дяди Лени уже не было. Глаза слепил яркий свет – после полутьмы зала. Где располагается кабинет Леонида Тарасовича, я знала только примерно, но не сомневалась, что быстро его разыщу, а если встречу кого-то из персонала, так мне помогут.

Я пробежала в конец коридора, миновав лестницу, идущую вверх и вниз. В конце коридора располагался кабинет моего отца. Я предполагала, что дяди-Ленин где-то рядом, и стала дергать там все двери. Они оказались заперты. Что за чертовщина? Хотя правильно, наверное, – мало ли кого сюда занесет.

Тогда я решила попробовать вообще все двери – открытыми оказались две, но комнаты за ними были пусты. Куда делся Леонид Тарасович? Спустился или поднялся по лестнице? Вполне вероятно. Наверное, стоит прогуляться до кухни – уж там-то явно кто-то есть. Да и дядя Леня скорее всего пошел или перекусить (он большой любитель много и вкусно покушать), или проверить, как там идет работа.

Я вышла из комнаты, чтобы двинуться вниз по лестнице, и услышала, как открывается дверь из основного зала.

В коридор вошел блондин – из двух заинтересовавших нас мужчин, прищурился на мгновение от яркого света и встретился взглядом со мной. Нас разделяли

метров семь.

- Что ты тут делаешь? - спросил он, меня разглядывая.

Как меня учил папа, лучшая оборона - это нападение, и я сделала ответный ход:

- А вы? - посмотрела я на блондина суровым взглядом.

Он усмехнулся и заметил, что посетителям в помещения персонала заходить не только не рекомендуется, но и воспрещается. Разве я не умею читать? На двери же четко написано кое-что для посторонних.

- Я - дочь хозяина, - как ни в чем не бывало ответила я и чуть-чуть повела вперед бедро, мелькнула мысль провести кончиком язычка по губкам, но пока я решила воздержаться: а вдруг это маньяк? Но в глубине души порадовалась: у меня больше, чем у девчонок, шансов захомутать этого мужчину. Я с ним уже разговариваю. Утру им нос. Вот такая я стерва. Но ведь каждая за себя, не так ли? В любви не бывает подруг, как поют популярные сейчас девочки. Хотя какая любовь? Похоть. Я вижу этого мужика... нет, не первый раз в жизни. Но когда и где мы встречались?

- М-м-м... - как-то неопределенно протянул мужчина.

- Владислава Николаевича, - добавила я и прижалась левым плечиком к стеночке, еще разок пустив правое бедро вперед и легонько колыхнув грудью.

Внезапно блондин широко улыбнулся, приблизился ко мне и положил обе руки на мои плечи. Я приподняла голову - мой лоб находился на уровне его подбородка - и уставилась в серые смеющиеся глаза.

- А где сегодня папа? - спросил блондин.

- У него выходной.

- А ты, значит, развлекаешься с подружками в его отсутствие?

Я сообщила, что папа специально сегодня не появляется в клубе, чтобы нас не смущать (он же сам мне так сказал, правда?), ну и добавила про успешную сдачу сессии. По-моему, все это прозвучало как объяснение, зачем я здесь в это время, хотя с какой стати я оправдываюсь перед каким-то типом? Он что, имеет право меня допрашивать? И вообще заходить во внутренние помещения клуба? Я решила, что выбрала неправильный тон, и хотела возмутиться тем, что он меня расспрашивает, но не успела.

- А ты красивая, - сказал блондин и улыбнулся еще шире. Мне показалось, что из его глаз струится какой-то неземной свет... Или я в самом деле сегодня слишком много выпила?

Я растерялась. Блондин - нет. Он наклонился к моим губам и легко поцеловал. Я стояла, как столб, совершенно не представляя, что делать. Но ведь, кажется, еще пять минут назад я хотела именно этого? Да девчонки бы умерли, только бы оказаться на моем месте.

- Ты что, еще не целовалась? - спросил блондин.

- Целовалась, - прошептала я и густо покраснела.

Блондин опять улыбнулся, снова прикоснулся к моим губам и сообщил, что я ему понравилась еще при нашей первой встрече.

- Помнишь, как мы первый раз встретились? - спросил он.

Я честно призналась, что никак не могу заставить свою память подсказать мне, когда именно это произошло.

- Ну вот, так всегда, - вроде бы обиделся блондин. - Женщина даже не помнит, когда мы с ней познакомились.

- А мы знакомилась? - тут же уточнила я.

- Ну не совсем, - вынужден был признать блондин. - Просто ты была с отцом на презентации... Ну помнишь, в сентябре? А потом еще раз в октябре, нет, перед ноябрьскими. И мы...

Я вспомнила. Какое там знакомство... Мой отец позеленел после разговора с этим типом... И прилагал немалые усилия, чтобы не сорваться и, пожалуй, не дать ему в морду. И затем с трудом улыбался тем, с кем ему еще приходилось говорить в оставшуюся часть вечера...

Да, в первый раз они отошли в сторонку, вернее, вышли из зала, папа еще сказал мне, чтобы пообщалась со знакомыми, пока он быстренько не обсудит одно дело. Но я не могла не проследить. Такая уж у меня натура. И я видела, как они с этим типом шипели друг на друга. А потом папа снова надел на себя маску добропорядочного бизнесмена. Да что я такое говорю? Папа ведь и есть такой. Он ведь у меня самый лучший.

А во второй раз, да, этот тип прав – перед самыми ноябрьскими – я опять сопровождала отца на какую-то тусовку. Мама-то их терпеть не может, да и, признаться, всех или почти всех папиных друзей и знакомых сопровождают... дочки. Не всегда в прямом смысле. Мы с подружками называем их «доченьками». В основном вербуются в среде манекенщиц-фотомоделей. Слава богу, папа у меня не такой. Он берет с собой меня, раз уж мама не хочет и ему надо появляться с молодой леди. А я люблю это дело. Но что будет теперь?!

Этот тип окликнул папу, когда мы уже собирались домой. Отец велел мне идти в машину, а сам минут десять разговаривал с блондином. И как я его сразу не вспомнила? С другой стороны – мужчин-то вокруг... Не могу же я всех тут же узнавать?

– Ну, вспомнила? – улыбнулся блондин, читая изменения выражений на моем лице.

Я кивнула.

– Но... – промямлила я. – А вы с моим папой?..

– Конкурененты в некотором роде. Но ведь здоровая конкуренция только помогает двигать бизнес вперед. Ты так не считаешь?

Я не знала, что сказать, а блондин продолжал вешать лапшу мне на уши, которые я услужливо подставляла. И еще была готова сказать за это «спасибо».

– И ведь то, что мы с твоим отцом в некотором роде конкурируем, не мешает нам с тобой познакомиться поближе, не так ли?

«В каком роде?» – хотелось спросить мне, но я опять ничего не сказала, утопая в его серых лучистых глазах... Теперь мне почему-то казалось, что в них есть и зеленоватый отлив. Или он меня гипнотизирует? Нет, я где-то читала, что гипнотизеры, как правило, с карими глазами. А вдруг он – исключение?

А он тем временем легко провел ладонью у меня по щеке... Прикосновения напоминали касание крыльев бабочки... И эти глаза... Из них словно идет какой-то свет...

– Значит, отмечаешь сегодня успешную сдачу сессии? – уточнил соблазнитель.

Я кивнула, не в силах вымолвить ни слова. Во рту пересохло.

– Может, продолжим вечер вместе? – продолжал натиск змей, поглощая своим взглядом меня – бедного кролика. – Расскажешь, где учишься, чем занимаешься.

Его ладонь снова коснулась моей щеки, потом губы накрыли мои... Я – идиотка, пыталась сказать я себе, но разум, казалось, оставил меня, побежденный другими чувствами. Зачем я сегодня столько выпила? И что от меня надо этому искusstелю? Что он хочет? И ведь он знал, чья я дочь, но тем не менее что-то говорил про посторонних... Или издевался? Потом на мгновение (и не одно) все мысли меня оставили, и я перенеслась как бы в другую реальность...

Пришла в чувство, только когда его губы оторвались от моих. Он взял мою руку в свою и сказал:

– Пойдем. Моя машина стоит перед входом.

– Я должна предупредить девочек, – пролепетала я.

– Предупреди, – кивнул он и потащил меня к двери, открывающейся в зал.

Внезапно за нашими спинами послышался шум.

– Ксения! – крикнул дядя Леня. – Что ты здесь делаешь? Саша, ты...

– Я провожу Ксению до дому, – проворковал Саша, оборачиваясь на Леонида Тарасовича и обнимая меня за талию. Я тут же привалилась к его плечу. – Не волнуйся, Леня. Все будет хорошо.

– Ксения, куда ты собралась?! – закричал дядя Леня, не слушая моего соблазнителя. – Я сейчас же позвоню Владиславу Николаевичу!

– Зачем беспокоить папу, Леня? – Искуситель тащил меня к двери. – Ксения уже взрослая девушка и прекрасно знает, что делает.

– Она ничего не знает! – Дядя Леня подскочил к нам и ухватил меня за свободную руку. – А ты воспользовался доверчивостью девчонки! – Затем дядя Леня серьезно посмотрел на меня. – Тебе давно пора домой. Ты сегодня сколько выпила? Если мать узнает, она тебе...

– Она не узнает, дядя Леня, – прошептала я, доверчиво глядя на дядю Леню, которого любила... ну совсем чуть-чуть меньше, чем отца. – И вы ведь меня не продадите, правда?

Леонид Тарасович хотел еще что-то возразить, но Саша его остановил:

– А ты не звони ни маме, ни папе, Леня. Ты ничего не видел. Ты ведь думаешь, что Колобок тебе голову оторвет за то, что она ушла со мной? Клянусь здоровьем, все будет как раз наоборот. Он тебе памятник поставит. За свой счет.

И Саша хохотнул. Тогда я даже не могла предположить, что означали его слова... И только подивилась черному юмору. Но в этот момент обнимавшая меня Сашина рука поднялась чуть выше и добралась до моей груди. Нет, он не накрыл ее ею, но прикоснулся к нижней части и стал перебирать пальцами. Ощущения были очень приятными.

Саша бросил взгляд на часы, сказал, что нам пора, резко распахнул дверь в зал, оставив стоявшего истуканом дядю Леню в коридоре, и потащил меня за собой – вначале к стойке бара, где на высоком табурете продолжал сидеть его друг.

– Бери куртки и дуй к машине, – бросил Саша ему и вместе со мной направился к нашему с девочками столику.

Мои глаза не сразу привыкли к темноте на этот раз, но на Сашу, казалось, смена освещения никак не повлияла.

– Так, девочки, ваша подружка на сегодня с вами прощается, – объявил он девочкам, дружно репетировавшим финальную сцену «Ревизора». И повернулся ко мне: – Сумочка была?

Я кивнула, не в силах вымолвить ни слова и отводя взгляд от глаз подруг. Они уже немного пришли в себя. Ритка со Светкой смотрели волками (или волчицами?), готовые растерзать меня и впиться ногтями в Сашу, Алена – с укором. Именно она и протянула мне мою сумочку.

– Номерок в ней? – посмотрел на меня Саша.

Я опять кивнула, как китайский божок.

– Пока, – сказал Саша. – Счастливо оставаться.

И потянул меня за собой. Я издала какое-то мычание, желая что-то сказать девочкам на прощание, но, так и не выдав ни одного членораздельного звука, решила, что отдуваться буду завтра... Или когда начнется следующий семестр. Тем более Ритка со Светкой послезавтра улетают, в Таиланде, надеюсь, подцепят хахалей, так что сцены ревности в начале семестра закатывать мне не будут. Не должны. Уже успокоятся. Как раз мне заткнут рот рассказами о своих приключениях. Подозреваю, что по большей части придуманных, но тем не менее. Я сама подобным грешу. Нельзя же признать, что на курорт съездила зря? А Алена... С Аленой мы как-нибудь разберемся. Она поймет. Или не поймет?...

Сашиного друга в холле уже не было, только на диванчике лежал мужской пуховик.

– Это ваш друг взял для вас, – кивнул на него охранник, обращаясь к Саше.

- Спасибо, - буркнул ему Саша и глянул на меня: - Номерок где?

Поскольку я была еще не в состоянии что-либо вразумительно отвечать (темп событий оказался для меня слишком быстрым, обычно моя жизнь протекала гораздо медленнее), мужчина сам раскрыл сумочку, нашел номерок в боковом карманчике, взял мою шубку, помог одеться, быстро накинул свой пуховик, и мы вылетели на свежий воздух.

- Давай по-быстрому, - велел Саша, опять взглянул на часы и потянул меня за собой к джипу «Гранд Чероки», стоявшему в парковочной зоне клуба.

Двигатель уже работал. Саша рванул заднюю дверцу, чуть ли не впихнул меня внутрь, дернул переднюю у водительского места, рывкнул другу, чтобы перемещался на соседнее сиденье, затем сам прыгнул за руль.

- побыстрее, что ли, не мог? - недовольным тоном буркнул тот, когда машина уже сорвалась с места.

- Не мог, - огрызнулся Саша.

Каждая фраза включала по крайней мере одно словечко из русского народного фольклора, по понятным причинам я их опускаю. Я вообще девушка приличная и была соответствующим образом воспитана. В обществе матом не ругаюсь. И не в обществе тоже. Речь мужчин меня, откровенно говоря, шокировала. Так в моем присутствии раньше никто себе выразиться не позволял.

Сегодня на тротуаре вдоль места парковки никто из персонала клуба не дежурил, да, в общем, в этом и не было необходимости: кроме джипа стояли еще три машины отечественного производства, не то что в пятницу и субботу, когда, насколько мне известно, тут не то что яблоку, а огрызку упасть негде. Но сегодня была среда, вот-вот должен был наступить четверг. Две машины, по идее, принадлежали «ночным бабочкам», приезжающим на работу на собственных авто. В третьей дремал за рулем какой-то человек. Ах да, это, наверное, шофер Риткиного отца, который ждет нас, чтобы развезти по домам. Сотрудники клуба ставили своих железных коней во внутреннем дворе.

- Высадишь меня на моем углу, - тем временем сказал Сашин друг.

Блондин молча кивнул, казалось, совершенно забыв о моем существовании. Или не хочет проявлять чувства?

Внезапно зазвонил телефон.

– Да? – рявкнул в трубку Саша, послушал, что там говорили, хмыкнул, сказал, что они с Андрюхой не вдвоем и что он потом перезвонит. – Пока, Петр, – завершил он разговор и отключил связь.

Мы уже отъехали от клуба на приличное расстояние. Я не представляла, куда меня везут, и теперь, трезвея, задумывалась, все ли я сделала правильно. Зачем я согласилась поехать с ним? Куда? Я ведь вела себя, как полная идиотка... Что он обо мне думает? И если это конкурент моего отца... И если папа узнает... Если ему еще на меня не наплевать...

Вспомнив папу, я также вспомнила и один из его жизненных принципов: в любой, самой отвратительной ситуации обязательно найдется что-то положительное. Ну, типа ложки дегтя наоборот. В бочке дегтя ищи ложку меда.

А что мы имеем положительного?

Во-первых, утерла нос Ритке со Светкой, всегда меня ругавшим, что я слишком скромная и закомплексованная, в отличие от них. И не соглашаюсь ни на травку, ни на экстази, ни на коку.

– Ты не умеешь расслабляться! – любимая Риткина фраза.

А Светка вечно меня учила, как клеить парней. Ну вот я вам и показала, подружки, что оказалась достойной ученицей. Смотрите и завидуйте. Интересно, что-то они там сейчас про меня говорят? Не стану ли заикой в ближайшее время? Вечерок я им, пожалуй, испортила. И что они теперь предпримут? Хватит в девках подлости, чтобы позвонить моей маме? Или мне лучше самой ей позвонить и предупредить? О чем, кстати? Что я сегодня не приду ночевать? Так с этим вопросом еще надо бы разобраться. Послушать, что скажет Саша.

Вот только Алену жалко... Она, наверное, просто обиделась. Но ведь не навсегда же? Я ей завтра обязательно позвоню и все объясню. И попрошу прощения.

Скажу, что ничего не могла с собой поделаться.

И ведь правда не могла. Наваждение какое-то на меня нашло в этом коридоре... А сейчас спало.

Я посмотрела в затылок Саше. Да нет, пожалуй... Со своего места я видела его правую руку на руле и вспоминала, как она гладила меня по щеке... Как обнимала на талию, а затем поднялась выше... Я поняла, что вся мокрая. Очень захотелось в туалет, но попросить остановить машину не могла. Да и где тут останавливать? Мы же пока едем по центральной части города. И куда везет меня милый друг?

- По-моему, «хвост», - внезапно сказал Сашин друг.

- Чего? - рявкнул Саша, которого, как и меня, оторвали от размышлений.

- Вон та светлая «шестерка». - Парень кивнул на зеркальце заднего вида. - Покрути-ка.

Саша только ухмыльнулся. И тут началось такое...

Не знаю, где он обучался вождению, но мог бы спокойно участвовать в каскадерских трюках или в гонках «Формулы-1». Михаэль Шумахер с Микой Хаккиненем казались мальчишками по сравнению с моим новым знакомым. Меня бросало по сиденью из стороны в сторону, и я очень пожалела, что пристегнуться нечем.

В пылу гонки (мы кружили по старой части Питера) я услышала какой-то странный звук (что-то глухо ухнуло), но в первое мгновение не обратила на это внимания, только парни впереди одновременно взглянули на часы, и Саша сказал:

- Полночь.

А я подумала: у нас что, теперь еще и в полночь пушка стреляет?

Для непитерцев рассказываю: каждый божий день в двенадцать в Петропавловской крепости раздается выстрел, возвещающий о полудне. Изначально, в петровские времена, пушка стреляла три раза, возвещая о начале рабочего дня, его конце и обеденном перерыве (правда, это было в одиннадцать), а до наших времен дошел лишь один выстрел как дань традициям. Выстрел слышен практически во всех частях города или его отзвук, а вот если лежишь и загораешь на пляже у Петропавловки... Земля под тобой содрогается.

А ведь сейчас тоже прогремел пушечный выстрел – дошло до меня. Так же ухнуло. Нет, не совсем так... Громче. И сильнее. Земля даже чуток содрогнулась. Мы это особо не прочувствовали, потому что несемся как сумасшедшие. Ничего, я завтра, то есть уже сегодня, спрошу у мамы, что теперь у нас бухает в честь полуночи.

– Кажется, скинули, – заявил Саша, обращаясь к другу.

– Да вроде нет больше.

Саша снизил скорость и вскоре выехал на Московский проспект. Там он притормозил, миновав метро «Фрунзенская», на углу какой-то небольшой улочки, названия которой я не знала. Они пожали друг другу руки, и Андрей машину покинул, даже ни разу на меня не взглянув.

Теперь Саша, казалось, вспомнил о моем существовании, обернулся, улыбнулся так же, как в коридоре, и предложил перебираться на переднее место.

– Давай, тут пролезешь, – сказал он.

Не выходя из салона, я оказалась рядом с ним. Саша тронулся с места. Я наконец решила поинтересоваться, куда мы едем.

– Ко мне, – как само собой разумеющееся, сказал Саша.

Уточнить я ничего не успела, потому что у него снова зазвонила трубка.

– Петрович, я же сказал тебе, что не один! – говорил Саша. – Нет, не знаю...
Слушай, мне сейчас некогда... Да, я уверен. В себе я всегда уверен. Пока, Петр.

Мы завернули на Кузнецовской и въехали во двор «сталинского» дома, где Саша и оставил машину. Он помог мне выйти, мы поднялись на пятый этаж и оказались в роскошной трехкомнатной квартире, отделанной под евростандарт.

Пока Саша мешал коктейли, я удалилась для осмотра удобств (терпеть уже просто было невозможно), увидела в коридоре телефонный аппарат, но подумала, что надо все-таки спросить разрешения.

Когда вернулась в гостиную, Саша сидел в одном из кожаных кресел, потягивая джин с тоником. Молча указал мне на диванчик напротив, отделенный от кресел низким столиком, на котором стоял второй бокал.

– Ты, конечно, сегодня уже достаточно выпила, но можно еще, – улыбнулся он.

Я сказала, что должна позвонить родителям.

Саша в очередной раз глянул на часы (у него что, привычка такая?) и заявил, что я смогу это сделать ровно в час ночи.

– Они лягут спать, – сказала я.

– Не лягут, – уверенно возразил Саша. – Папа не ляжет.

– Откуда ты можешь это знать? – взорвалась я. – Ты уже взрослый. Ты мужчина. И живешь один. – Я обвела рукой квартиру. – А обо мне волнуются. В особенности если девчонки позвонили, – добавила я. – Или дядя Леня.

– Не думаю, – с невозмутимым видом сказал Саша, отхлебывая джин.

Мне надоела его самоуверенность. Да и глаза его теперь были чисто серыми, причем напоминали цвет голого холодного асфальта, не лучились, не грели, а как раз наоборот... У меня холодок пробежал по спине... Почему-то мелькнула мысль, что с такими глазами убивают...

Я застыла, где стояла, но опять была не в силах оторвать от него взгляд.

- Сядь, - приказал он, кивая на диванчик.

Я повиновалась.

- Пей.

Я взяла бокал в руку, но тут мозг прорезала мысль: а если он хочет меня отравить? Или усыпить? И воспользоваться моей немощностью?

Сжав волю в кулак, я поставила бокал на стол, не отхлебнув ни капли, и посмотрела на хозяина квартиры.

- В чем дело? - спросил он.

- Не хочу.

- Врешь, - сказал он. - Боишься, что отравлю?

Я в очередной раз застыла на месте. Он что, и мысли читать умеет? Господи, кому в лапы я попала? Почему не послушалась дядю Леню?

Саша тем временем взял мой бокал и спокойно отхлебнул из него. Поставил на место. Посмотрел на меня с ухмылкой. Только глаза оставались совершенно холодными...

- Ну?

- Я в самом деле не хочу, - проямлила я. Пить расхотелось. Хотелось только домой. Стало страшно. В квартире стояла тишина. Соседей не слышно. Да вообще-то тут толстые стены... Но иногда какие-то звуки все равно доносятся. У Ритки ведь поблизости квартира. И у Светки похожая. Но тут не было слышно ни соседей, ни звуков с улицы. Тихий двор, середина недели, зима...

– Можно, я позвоню папе? – голосом маленькой девочки вновь попросила я. – Ну, пожалуйста?

– Погоди немного. Успеешь.

Саша достал пачку «Мальборо», предложил мне, я покачала головой, он закурил, пуская дым кольцами, и сидел в задумчивости.

Я не могла дольше оставаться в неведении и решилась задать мучивший меня вопрос:

– Что ты от меня хочешь?

– А как ты думаешь? – перевел он на меня взгляд с потолка, который усиленно рассматривал.

Теперь он глядел на меня изучающе – как ученый рассматривает под микроскопом какую-нибудь амебу или инфузорию туфельку, которая, как оказалось, еще умеет говорить. Причем по-русски.

Не знаю почему, но я ляпнула:

– Тебе что-то нужно от моего отца.

Как оказалось, попала в точку.

Саша на мгновение выразил удивление, потом хихикнул, глянул на меня заинтересованно (теперь уже как на человека), расхохотался, покачал головой и уточнил:

– А что я могу хотеть от твоего отца?

– Этого я не знаю. – Я помолчала и добавила: – Я не в курсе его дел.

– Ну и правильно, что в них не вникаешь. Это не для женского ума. Такую красивую головку не надо забивать мыслями о мужских проблемах.

И он потянулся через стол, чтобы снова погладить меня по щеке. Но ситуация изменилась... И я теперь смотрела на него совсем не так, как смотрела в коридоре.

В общем, я дала ему по руке. Он снова хохотнул, но не обиделся.

- Мальчик-то есть? - спросил у меня.

Хотя я никогда в жизни не ругалась матом, в этот раз мне очень захотелось послать Сашу далеко и надолго. Я ограничилась тем, что заявила, что это не его собачье дело.

- Жаль, такая красота пропадает, - сказал Саша.

- Что?! - не поняла я.

Он приподнял одну бровь, усмехнулся, прищурился. В этот момент он напоминал хитрого лиса - и глаза его, то ли в отсветах лампы с красным абажуром, то ли по какой-то другой причине, сделались рыжеватыми. Да что ж это такое, в самом-то деле?! Что за хамелеон?

- Папа тебя блюдет? - тем временем говорил Саша. - На презентации с собой таскает. С подружками разрешает бывать только в его клубе и под зорким оком его подчиненных. Отдохнуть ты в последний раз тоже с ним ездила?

- А твое какое дело? - огрызнулась я.

- Жаль просто, что такая красота пропадает, - на бис повторил Саша. - Но раз папа тебя так дорого ценит... Что ж не воспользоваться?

- Что тебе от него нужно?! - крикнула я, доведенная до белого каления, сдержаться не смогла, схватила бокал с джином и выплеснула в Сашину ухмыляющуюся физиономию. Это развеселило его еще больше.

Я быстро огляделась, схватила две подушечки, лежащие в углах дивана, и по очереди запустила в Сашу. Он хохотал, не переставая. А он случаем, не псих? - пронеслась мысль.

Теперь в его глазах плясали черти...

- Иди ко мне на колени, - пригласил он, прекращая гогот, но улыбаясь и раскрывая объятия. - Поцелуемся. Целуешься ты неплохо.

- Пошел вон, - процедила я.

- Куда? Это ж моя квартира!

Я не знала, что ответить. Саша тем временем переместился на диванчик, приобнял меня, я попыталась вывернуться, но не тут-то было, хватка у него железная...

Правда, сопротивлялась я недолго... Его губы накрыли мои, я сделала еще одну попытку вырваться, но больше мне этого делать не хотелось... Не знаю уж, как целуюсь я, но он это делал так, как ни один парень, с которыми доводилось встречаться мне... Как и час назад в коридоре, я на несколько мгновений отрешилась от реальности.

Оторвавшись, Саша глянул мне в глаза, потом крепко прижал меня к себе, снова поднял мое лицо к своему и опять поцеловал. Я млела... И готова была на все, что он только захочет... Только бы захотел, правда.

После того, как он остановился во второй раз, я прочитала в его глазах сожаление, но не успела спросить, чем оно вызвано. Саша опять посмотрел на часы и сказал:

- Пора. Звони отцу.

Я врезала кулаком ему по груди. Я не знала, как мне себя с ним вести. За кого он меня принимает? Как он меня воспринимает? И я, идиотка, позволила ему... себе... Он же издевается надо мной!

Саша тем временем встал, сходил в прихожую и вернулся с аппаратом на длинном шнуре, поставил его передо мной и кивнул. Сам опустил в кресло напротив.

- На мобильный, - подсказал только.

- Обойдусь без твоих подсказок.

Правда, я не стала объяснять, что нового домашнего номера отца не знаю - только сотовый и рабочие.

- Кстати, а что я должна ему сказать? - уточнила я, в глубине души надеясь, что Саша предложит мне сегодня остаться у него.

- Что ты у меня в гостях.

- И?

- Просто скажешь, что ты у меня в гостях. Думаю, этого будет достаточно. - Саша издал смешок.

Ну и что тут веселого?

В общем, я позвонила.

- Что еще, Ксения? - рявкнул папа. Он был явно недоволен и не рад меня слышать. - Мне сейчас очень некогда. Перезвони завтра. Лучше послезавтра.

Может, лучше вообще больше никогда не звонить? - хотелось спросить мне, но тут подал голос Саша:

- Она у меня, Владик.

На другом конце повисло молчание.

- Ты не ошибся, Колобок, - невозмутимо продолжал Саша. - В гости заедешь? Приглашаю. - А потом другим тоном добавил: - Давай быстро ноги в руки и ко мне. А то дочка тебя уже заждалась.

И продиктовал адрес. Я на всякий случай запомнила.

Папа приехал через двадцать минут, на протяжении которых мы с Сашей перекинулись лишь парой слов. Я не знала, чего ждать от появления отца. И как он воспримет то, что я оказалась здесь... Ведь дядя Леня, наверное, завтра, то есть уже сегодня, ему все расскажет. Надо бы поговорить с ним, мелькнула мысль. И предупредить. Хотя о чем? Нет, дядю Леню я вообще упоминать не буду. Не хочется его подставлять – сама дура, что поддалась этому змею-искусителю.

И что, в самом деле, меня ждет? Ну, наорет папа. Так поорет и перестанет. Я уже совершеннолетняя. Мне девятнадцать. Могу ехать к кому угодно и разрешения у родителей не спрашивать. Они вообще радоваться должны, что я такая положительная, о них беспокоюсь и предупреждаю, если задерживаюсь.

Я приободрилась.

Но что от отца хочет Саша? Что-то ужасное? Но ведь он не сможет удержать меня здесь силой? Папа у меня не промах. И, кстати, у него есть разрешение на ношение оружия. И пистолет всегда при себе. А у Саши пистолета нет. По крайней мере, на нем. Я бы почувствовала. Так ведь и я не буду сидеть, сложа руки. Мы с папой вырвемся, решила я и окончательно успокоилась. Ну, не совсем окончательно, но успокоилась.

Наконец раздался долгожданный звонок в дверь, Саша пошел открывать, я осталась на диванчике.

– Где она? – слышался из прихожей папин крик, и он ринулся в гостиную.

Застыл при виде меня, невозмутимо сидящей на диване. Потом почему-то посмотрел на лужу на ковре рядом с креслом, на котором сидел Саша.

– Что это? – спросил папа.

– Твоя дочь поливала меня джином, – хохотнул Саша. – Может, хотела, чтобы я подрос, как гриб? А вот этими подушками, – Саша кивнул на валявшиеся на ковре подушки, – она в меня кидалась. Плохо воспитываешь дочку, Владик. Как она ведет себя в гостях?

Папино лицо изменилось. Он сжал кулаки и повернулся к Саше:

- Да я тебя...

- Я спас ей жизнь, - невозмутимо ответил Саша. - Она сегодня была в клубе. Садись, - кивнул он на диванчик, на котором сидела я с отвисшей челюстью. - Не пора ли нам обсудить размеры моего вознаграждения?

Глава 2

Папа посмотрел на меня. С той же яростью, с которой только что смотрел на Сашу. И заорал. Я никогда не могла предположить, что мой папа, мой любимый папа, будет так на меня кричать...

Я сжалась, вообще страшно хотелось превратиться в какую-нибудь букашечку и заползти под диван. Чтобы не видеть его глаз, его искаженного лица... Я не понимала, почему именно сегодня я не должна была идти в клуб. Папа меня что, предупреждал? Он просто сказал, чтобы я договаривалась с дядей Леной. Я и договорилась.

- Почему ты вечно оказываешься не там, где надо?! Почему самая неприятная новость в моей жизни тоже связана с тобой?!

«Какая новость?» - успела подумать я, но тут его крик был прерван звонким шлепком. Вначале я не осознала, что произошло, потом, при виде краснеющей папиной щеки, я поняла, что Саша дал ему пощечину...

- Постыдись, - сказал Саша ровным холодным тоном. - Это твоя дочь.

Отец хотел схватить его за грудки, но хозяин квартиры ловко увернулся и каким-то неуловимым образом врезал моему отцу. По-моему, пяткой по груди. Я движения не отследила. Только увидела, словно в замедленной съемке, как папа отлетает через полкомнаты и врезается спиной в комод, сползает по нему...

Саша с самым невозмутимым видом сделал шаг к своему любимому креслу, опустился в него, взял со столика так и не дотопитый бокал, отхлебнул из него и перевел взгляд на моего отца, с трудом поднимающегося на ноги. Весь задор из него улетучился.

Я сидела ни жива ни мертва.

– Знаешь один из моих жизненных принципов, Ксения? – обратился ко мне хозяин квартиры.

Откуда ж я могла их знать?

– Ну так вот. Если тебя ударили по правой щеке, подставь левую, затем уйди под локоть и врежь противнику снизу в челюсть.

– Папа тебя не ударял, – с хмурым видом заметила я. – Как раз наоборот...

– Пытался. И я же тебе сказал в общем... А это – частности. Вариации одного и того же принципа. Чтобы те, кто раз имел со мной дело, больше не пытались на меня даже замахиваться. Я ясно излагаю? Кстати, вон там бар, – и Саша кивнул на одно из отделений «стенки». – Достань коньяк и рюмки.

Я молча встала и выполнила приказ. Руки у меня дрожали.

Папа молча, не глядя ни на меня, ни на Сашу, проследовал к дивану и сел на изначально предложенное Сашей место.

Я поставила бутылку «Наполеона» и три рюмки на стол.

– Садись, – кивнул Саша, а сам разлил коньяк.

Отец сидел, зажав ладони коленями. Я искоса на него посматривала. Саша был абсолютно невозмутим.

– Давай, Владик, выпьем, – обратился он к моему отцу. – Помянем усопших.

Я вопросительно посмотрела на него. Другого тоста не мог предложить? Саша хмыкнул, поймав мой взгляд, вновь посмотрел на отца и заметил, что тому неплохо было бы ввести меня в курс дела.

- Она ничего не знает, - сообщил он доверительно.

Отец посмотрел на меня пустым взглядом.

- Вообще ничего, - тихим голосом добавил змей-искуситель, откинулся в кресле, залпом выпил коньяк, потом опять обратился ко мне с просьбой - достать из бара коробку конфет. Я достала. Отец тем временем хлопнул рюмку, сам тут же налил себе вторую и тоже хлопнул. Посмотрел на мою и выпил еще и ее. Конфеты пока никому не понадобились.

- Когда ты уехала из клуба? - наконец обратился ко мне отец.

Я взглянула на Сашу.

- Ответь папе, - велел хозяин квартиры.

- Ты что, не можешь говорить без его разрешения?! - закричал отец. - Зачем тебя вообще понесло сегодня в клуб?!

Я вылупилась на папу большими круглыми глазами. Он что, забыл? Или он не помнит, что я сдала сессию, мы с девчонками хотели это отметить, он разрешил, сам велел мне договориться с дядей Леной...

- Успокойся, Владик, - миролюбиво сказал Саша. - Девочка не понимает, о чем речь.

- Ты что, полная идиотка? - рявкнул на меня отец.

- Нет, она очень умненькая девочка, - заметил Саша, подливая себе коньяку. - И неплохо соображает. Только для того, чтобы соображать, нужно иметь хоть какие-то факты. А у нее их нет.

Нашу милую беседу прервал звонок сотового телефона.

Звонили моему отцу. Риткин отец. Он дико орал в трубку, и я не могла разобрать слов, хотя прислушивалась. Мой отвечал односложно. Сути этих коротких фраз я не понимала.

- Ксения сидит рядом со мной, - сказал он, отвечая на какой-то вопрос. - Да, передаю.

- Где Рита?! - оглушил меня своим криком Аркадий Михайлович. - Где она? Когда вы уехали из клуба?!

- Я не знаю, где сейчас Рита, - промямлила я. - Когда я уезжала, она была еще там...

- Во сколько ты уехала? - рявкнул Аркадий Михайлович, добавив к фразе еще одну - про мою мать. Таким тоном он со мной никогда не разговаривал.

- Где-то без четверти двенадцать, - сказала я.

В ответ послышался такой мат... Я в ужасе посмотрела на отца. Он вырвал у меня из рук трубку. Они с Аркадием Михайловичем принялись орать друг на друга. Саша тем временем налил мне рюмку коньяку, подмигнул украдкой от папы, а вслух сказал, чтобы я все-таки его выпила. Я так и сделала. Папа отключил связь, вытер лоб платком и посмотрел на меня.

- Ты в самом деле ничего еще не знаешь? - спросил он усталым голосом.

- Что я должна знать?! - заорала теперь я, не в силах больше сдерживаться.

Папа глянул на невозмутимого Сашу, закуривающего очередную сигарету, потом снова на меня.

- Клуб взорвался, - сообщил отец.

До меня не сразу дошел смысл сказанных слов.

Потом...

Я открыла рот, резко вдохнула воздух, попыталась что-то сказать, но не смогла, из горла вырвался какой-то хрип. Саша снова услужливо наполнил коньяком мою рюмку, папа вставил мне ее в руку и помог залить в рот. На этот раз коньяк обжег мне горло, я закашлялась, папа постучал меня по спине.

- Она в самом деле не знала? - зачем-то уточнил он у Саши.

Тот покачал головой.

- А девчонки? - наконец смогла выдавить я из себя, но произнесла слова шепотом.

Папа неопределенно передернул плечами.

- Папа! - схватила я его за рукав. - Ты был там?!

Он молча кивнул, не глядя на меня.

- Ты сейчас оттуда?! Там... Папа!!!

- Клуба больше нет, - сказал отец. - Вообще нет.

- Как? - как полная идиотка уточнила я.

- Так. Его сровняли с землей. А дядя Саша тебя спас, только не из благородства, которое ему вообще неизвестно, а из вполне определенных меркантильных соображений.

- Ну зачем ты так, Владик? - растягивая слова, произнес Саша, невозмутимо пуская дым кольцами. - Что ты такое говоришь обо мне в присутствии своей очаровательной дочери?

Папа опять перешел на нецензурную лексику. Но на Сашу никакие слова не действовали. Этого человека, по-моему, было невозможно вывести из себя.

Снова зазвонил папин сотовый. Мама. Она спрашивала, что отец сделал со мной, причем так кричала, что даже до меня долетали обрывки фраз. Папа ее немного успокоил, потом дал трубку мне. Я тоже что-то проворковала. Мама поперхнулась, меня услышав. Потом заплакала – от радости. Я заверила ее в том, что у меня все хорошо. От мамы узнала, что ей уже дважды звонил Риткин папа, второй раз только что. И такого наговорил... Трубку у меня выхватил папа и велел маме никого не слушать, выпить валерианки, отключить телефон и ложиться спать. Опять сунул трубку мне. Я в очередной раз сказала, что я в полном порядке (зачем маму лишней раз расстраивать?), когда вернусь – не знаю, нахожусь у приятеля (искоса глянула на невозмутимо покуривающего Сашу) и повторила папино предложение относительно валерианки и телефона. На том мы и распрощались.

Папа с Сашей тем временем еще немного поругались, только я никак не могла понять, что они делают.

– Зачем было губить ни в чем не повинных людей? – тихим голосом спросила я, глядя прямо в Сашины серые холодные глаза и, как и он, не обращая внимания на льющийся из папы поток ругательств.

За Сашу попробовал ответить папа – опять используя лишь ненормативную лексику, – но хозяин квартиры резким тоном приказал ему замолчать и уставился на меня.

– Эти люди на совести твоего отца, Ксения, – спокойно сказал хозяин квартиры.

– Да ты!.. – рявкнул папа. – Да как ты можешь?..

– И ты мне еще должен сказать спасибо, – закончил свою речь Саша. – За Ксению. За то, что я решил заглянуть на огонек и увез ее оттуда. Как ты понимаешь, всех посетителей я вывезти не смог бы. Но вернемся к Ксении и к ее чудесному спасению.

– Что ты хочешь? – ровным, ничего не выражающим голосом спросил отец.

– Твои проценты. Как я понимаю, теперь-то ты уж точно примешь предложение Петра? – Саша хохотнул. – Но то, что он обещал тебе, перейдет ко мне. Неужели твоя дочь их не стоит?

- Нет, - прошептал отец.

- Да, - сказал Саша и в очередной раз рекомендовал папе посмотреть на свою дочь, то есть на меня.

Папа посмотрел и крикнул в сердцах, со всей силы грохнув кулаком по столу, за которым мы сидели:

- Да лучше б ты взорвалась вместе с клубом!

- Что?! - шепотом переспросила я, не веря своим ушам.

Но отец, кажется, уже принял решение...

- Вот он, - папа указал пальцем на Сашу, вскочив с места и пробежавшись по комнате, - тебя спас. Ты, надеюсь, теперь поняла, что обязана ему жизнью? Расплачивайся. Сама расплачивайся. Все! Я умываю руки! Мне надоело с тобой цацкаться! Детство кончилось, Ксюшенька. Кон-чи-лось! Ты остаешься здесь.

После этих слов отец повернулся к Саше и заявил ему, что он может использовать меня по своему усмотрению и до полного удовлетворения. Спасать меня его никто не просил. А если я ему не нужна - ну тогда пусть просто считает, что сделал доброе дело. На Страшном суде зачтется.

- Папа! - пролепетала я. - Как ты... Как ты можешь?! Что с тобой случилось? Ты...

Отец молча посмотрел на меня и двинулся к выходу. Саша продолжал сидеть. Его глаза превратились в кусочки льда... Я опять сжалась в комочек.

Нарушил тишину очередной звонок сотового телефона. Взяв себя в руки, отец разговаривал очень вежливо, поясняя, что был вынужден проверить, все ли в порядке с его дочерью, и теперь выезжает на место происшествия. Незамедлительно выезжает.

Отключив связь, отец посмотрел на Сашу и сказал, чтобы тот проинструктировал меня насчет общения с родной милицией, а то мне этого делать еще никогда не

приходилось.

– Могу подтвердить, что вы давно знакомы, – добавил папа, теперь полностью себя контролировавший.

– С сентября, – кивнул Саша.

– Хорошо, – сказал папа и глянул на меня. – Поняла? Ты знакома с дядей Сашей с сентября. Если не хочешь сесть в тюрьму.

– За что?!

– Был бы человек, статья всегда найдется, – заметил папа, которого я не узнавала. – Дядя Саша тебе все объяснит. Пока, доченька. Когда-нибудь, может, и увидимся.

– Что с тобой случилось? – прошептала я. – В чем я виновата?

Папа не ответил, вместо этого попросил Сашу закрыть за ним дверь. Хозяин квартиры встал и отправился вслед за гостем в прихожую. Послышался щелчок замка и лязг задвижки.

Саша вернулся в комнату, опустил в кресло напротив меня, снова разлил коньяк, а затем наконец встретился со мной взглядом.

В нем читалась жалость...

Меня вдруг пробрала дрожь. Зубы стали стучать, и челюсть на место было не вернуть... А из глаз полились слезы. О стекающей по щекам туши в этот момент совсем не думала. Мне было так плохо, как никогда в жизни. И очень жалко себя. Но я еще не понимала всех проблем, с которыми мне предстояло столкнуться в ближайшее время, я не могла предвидеть и сотой их части.

Саша перегнулся через стол и взял мои руки в свои. Его ладони были горячими, мои – холодными, как лед.

– Это не конец света, Ксения, – мягко сказал мужчина.

– А девчонки правда?.. – спросила я.

Саша молча кивнул.

– А ты знал?.. – задала я идиотский вопрос.

Он промолчал, но взгляда не отвел.

Потом он пересел ко мне, долго гладил меня по волосам, целовал, медленно и нежно раздел, отнес в спальню.

Желая забыться, я отдалась ему вся, без остатка. Я знала, что он мерзавец, но в эту ночь мне было не к кому пойти... Кроме него, у меня никого не было. Один из самых близких мне людей – отец, который всегда был мне другом, защитой, опорой, советчиком, – меня предал. Продал за какие-то проценты, предпочтя деньги мне.

Все-таки я была благодарна Саше. За тепло и сочувствие. За ласку. За то, что он спас мне жизнь...

Он казался спасительной соломинкой – и я хваталась за нее, как хватается утопающий, потому что больше не за что.

Глава 3

Когда я проснулась утром, не сразу поняла, где нахожусь. Затем вспомнила... Посмотрела на ту часть кровати, где спал Саша. Его уже не было. В квартире не раздавалось никаких звуков. Я даже не услышала, как он ушел, – настолько глубоко погрузилась в сон. После шока, любви, слез, коньяка, валерианки...

Я села на кровати, потом опустила ноги на пол, встала, прошла босиком по пушистому ковру, вышла в коридор. На полу перед входом в спальню лежала записка.

Саша велел мне никуда не выходить из дома, никому не звонить, на телефонные звонки не отвечать. Еда – в холодильнике. Он постарается вернуться побыстрее.

Я приняла душ, затем отправилась на кухню, сварила кофе, выпила две чашки, потом долго сидела, уставившись в одну точку. Я до сих пор не могла поверить... Мне нужно было взглянуть на клуб своими глазами. Не может быть, чтобы такое мощное здание... Но ведь вчера ночью, когда мы на джипе уходили от погони, что-то ухнуло вдали. И земля дрогнула. А мы тогда находились уже на приличном расстоянии от «Сфинкса». Но все равно почувствовали...

И неужели девчонки?.. И дядя Леня?! И бармен дядя Жора? И все остальные, кто там был... Этого просто не может быть!

Затем я вспомнила отца. И его слова прошлой ночью... Про девчонок и дядю Леню я еще не знала точно, шанс оставался (по крайней мере, мне хотелось в это верить), но папа... Как он орал вчера... Каким он был... Господи, ну почему, почему?!

Я поревела, сходила умылась холодной водой, еще выпила кофе. Есть совсем не хотелось. Побаливала голова. Может, коньячку? Но я тут же приказала себе остановиться. Только не хватало, чтобы я была пьяной. Откуда мне знать, что придумает Саша? Ведь он наверняка сегодня будет заниматься делом прошлой ночи. И неужели этот человек, который вчера был так ласков со мной, мог устроить страшный взрыв с человеческими жертвами? Ведь он же знал, что в клубе будут люди! Ну взрывал бы под утро, что ли, когда весь персонал его покинет. Нет, охрана оставалась круглосуточно. Но два (или три?) охранника, которые в принципе знали, на какую работу идут, – это не весь персонал, посетители, «ночные бабочки»... И мои подружки...

Слезы опять навернулись на глаза.

Затем я бесцельно шлялась по квартире. От нечего делать пропылесосила, вытерла пыль, постирала брошенные в бельевую корзину рубашки и майки, осмотрев содержимое холодильника, потушила мясо, накидав в латку всяких специй. Затем поняла, что больше в этой квартире мне делать нечего. В принципе она содержалась в порядке. Домработница? Женских вещей в доме не имелось, как я выяснила, обследовав все шкафы.

Страшно хотелось воспользоваться телефоном – но я боялась, только несколько раз к нему подходила, стояла, глядя на аппарат, и вздыхала. Надо дождаться Сашу. Наверное, он точно скажет, кто погиб... Я не могла решиться позвонить родителям моих подруг. Нашим сокурсникам. Даже маме... Отца я больше не хотела слышать. Или он это вчера под горячую руку? И я его зря виню? Узнав про взрыв клуба, про то, что на его совести столько смертей... Хотя на чьей они совести-то? И сегодня он может попросить у меня прощения. И как-то договориться с Сашей. Ведь папа у меня очень умный. Он придумает, как выкрутиться. Ведь я всегда могла обратиться к нему с любой проблемой, и он ее успешно решал, с завидной легкостью разбирался в любой запутанной ситуации. Может, он вчера просто пудрил Саше мозги? Дядя Леня успел ему позвонить и рассказать, что я растаяла под взглядом блондина, как полная идиотка? Папа и решил, что я должна... ну хотя бы удовлетворить свою похоть. И успокоиться. Он очень хорошо знает меня, знает, что я после совершения любого поступка долго копаюсь в себе, рассуждаю, правильно ли поступила или нет. И он ведь никогда не навязывал мне свое мнение. Я должна сама решить, нужен мне Саша или нет. А ведь если бы папа сказал: нет, я не разрешаю тебе с ним встречаться, то я обязательно бы нашла способ улизнуть. А так...

Но я не против остаться...

Только после того, как все уладится. Если это, конечно, возможно.

Потом мелькнула мысль включить телевизор – ведь в программе городских новостей должны что-то сказать? Я бросилась в гостиную, где стоял огромный «Панасоник», включила, дождалась нужной программы...

После репортажа с места событий мне стало плохо. Может, наши телевизионщики просто сгущают краски?

Пока никого живого... Акцент делался на работе спасателей, что-то подробно рассказывали про кран-телескоп с раздвижной «шеей», который подбирается близко к любым завалам и поднимает плиты весом до ста тонн. Только тут плит практически не было – все разлетелось на мелкие кусочки...

Показали ночные кадры, в которых промелькнул и мой отец, выступивший с заявлением. Сказали, что эти кадры показывают уже не в первый раз.

Отец не выдвигал никаких версий, только что-то обтекаемо говорил про возможный чеченский след, каких-то террористов... Нет, ему никто не угрожал. Никаких звонков не поступало. Ничего не знает. Даже не представляет. Надеется на правоохранные органы. Выражает соболезнования родственникам погибших.

Вот только пока не было точно известно, кто погиб...

Выключив телевизор, я опять разревелась.

* * *

Ключ в двери повернулся около шести. К великому сожалению, я не могла навести полный марафет – с собой были лишь тушь и помада. Но я очень старалась. Волосы распустила по плечам, долго расчесывала их перед зеркалом... Пару часов я уже не плакала, чтобы не предстать перед Сашей с красными глазами. Его предстоящее появление было стимулом, чтобы сдерживаться. Иначе, наверное, не смогла бы.

Он внимательно меня оглядел, сказал, что хорошо выгляжу, но не поцеловал. Результатов уборки не заметил, войдя в ванную, обратил внимание, что сушится белье, усмехнулся, отправился на кухню, где уже был накрыт стол на двоих. Я активно выполняла роль хозяйки и ждала, когда он заговорит...

Начал он только за кофе.

– В общем, так, Ксения, нам для начала нужно съездить к тебе домой. Поговорим с твоей мамой.

– Но...

– Без но, – перебил Саша. – Я поговорю. В твоём присутствии. А там посмотрим, стоит ли встречаться с твоим папой или обойдемся.

Я кивнула, полностью полагаясь на него, а потом робко спросила про клуб.

- Ты же все вчера слышала, - заметил он.

- Но... - опять пролепетала я и призналась, что смотрела новости, в которых, правда, были только ночные кадры. А что там сейчас?

- Значит, так, девочка, - сказал Саша совсем другим тоном и, не ответив прямо, стал меня инструктировать относительно того, как я должна разговаривать с органами правопорядка, родственниками погибших и всеми своими знакомыми. Он мурыжил меня часа два, заставляя повторять ответы на вопросы.

- Это для твоего же блага, идиотка! - орал хозяин квартиры. - Ты что, хочешь, чтобы тебя затаскали по ментовкам?

Я не хотела, чтобы меня вообще куда-то таскали, но, репетируя с Сашей, я про себя задавала себе вопрос: а он что, полностью исключает, что я могу его продать? Ладно, это папа исключает, папа - это папа, и он имеет все основания считать, что для него я буду врать кому угодно и что угодно. Но Саша? Которого я знаю-то всего один день?

Он словно прочитал мои мысли. Или он в самом деле умеет их читать?

- Возможно, ты думаешь, что все это хаханьки? - самым серьезным тоном спросил Саша. - Не знаю, как тебя воспитывали, но ты, милая девочка, никогда не имела дел с нашей милицией. Тебя затаскают, если найдут слабину и поймут, что что-то можно свалить на тебя. Ты знаешь, что у нас, когда арестовывают человека, стараются навесить на него все статьи, которые только возможно? Потом снимают, адвокаты стараются. Но все равно остается - если ты сидел в СИЗО, пока шло следствие, - что-то тянет на тот срок, который ты провел за решеткой. И выпускают тебя в зале суда. Потому что нельзя признать, что тебя продержали неправильно - тогда ведь тебе надо выплачивать крупную компенсацию. Денег у государства, естественно, нет. На это нет. А человек зря провел в заключении год, два, а то и больше. Они выкинуты из жизни! А человек-то был невиновен. Про то, как избивают в милиции, хотя бы слышала? Или в газетах читала? Слава богу, теперь про это пишут в открытую. А ты - девочка красивая. Догадываешься, что тебя ждет? Бить, наверное, не будут. Пожалеют. Придется по-другому отрабатывать. Подумай, киска.

Я была уверена, что Саша сгущает краски. А он тем временем продолжал гневную речь в адрес правоохранительных органов. Как я догадывалась, он всегда был на другой стороне баррикад. Как и мой папа – пришло мне в голову.

В конце концов я пришла к выводу, что и Саша, и отец правы. Кто поверит, что я не знала о готовящемся взрыве? Почему ушла с почти незнакомым мужчиной за пятнадцать минут до того, как клуб взлетел в воздух?

С другой стороны... Пошла бы я в клуб, зная, что на тот вечер запланирован взрыв? Ведь это ж надо быть полной идиоткой. А если раньше сработает? И ведь клуб принадлежит моему отцу, в его строительство и оборудование были вбуханы немалые деньги. Так зачем? Вообще зачем было его взрывать?!

Но объяснять все это кому-либо... Хотелось, чтобы меня никто не трогал. И вариант, предлагаемый Сашей, казался наиболее подходящим, чтобы достичь этой цели.

Я встретила знакомого, который мне давно нравился. Я выпила, хотелось приключений. Мне предложили продолжить вечер в милой компании, я согласилась. Мне просто повезло.

Я кивнула Саше. Он встал.

– Поехали к тебе, – сказал, направляясь в прихожую.

* * *

Я попросила Сашу проехать мимо клуба, вернее, того, что от него осталось. Вначале он не хотел этого делать, но я настаивала. Я должна была убедиться. Я должна была побывать на месте.

– Но ведь там сейчас, наверное, много зевак! – выдала я последний аргумент. – Мы не привлечем внимания! И будет странно, если я не появлюсь, узнав про взрыв!

Саша махнул рукой и все-таки повез меня к «Сфинксу».

Машин на подъездах в самом деле было много, но сцепление сняли, как сообщили нам вездесущие пенсионеры, снующие по округе и рассказывающие всем желающим о происшествии.

Саша столкнулся с несколькими знакомыми (далеко не пенсионного возраста), обменялся с ними парой фраз, но не задерживался. Мужчины бросали на меня косые взгляды, но кто я такая, не уточняли. К моей великой радости, я никого из знакомых не увидела. Но живые цветы на обломках камней... На глаза снова навернулись слезы.

Мы подошли к тому, что когда-то было клубом...

К счастью, он стоял на набережной, и главная дверь открывалась в сторону воды. С правой стороны проходила улица (здание было угловым), два тротуара и проезжая часть которой насчитывали метров двадцать. Угловое здание с другой стороны было офисным. В нем на нескольких этажах вылетели стекла, часть их за сегодняшний день уже вставили, как сообщил нам дедок, исследовавший груды камней. Здание, расположенное с другой стороны клуба, прилегало к нему (но не вплотную) глухой стеной. Она не рухнула – весь район был старым, возведенным в те времена, когда еще строили надежно. С задней стороны было то, что мы называли двором клуба, где парковали машины сотрудники и – в отсутствие мест на набережной – особо ценные клиенты. Там же стояли огромные помоечные контейнеры, регулярно посещаемые местными бомжами, за контейнерами шел забор из металлических прутьев, отделяющий небольшой скверик, выходящий на улицу, параллельную набережной. Скверик остался в первозданном виде. Мусорные контейнеры были разворочены, содержимое вперемешку с кусками железа от машин валялось одной огромной кучей, осаждаемой бомжами, пытающимися пожить в последний раз...

Завал – то, что осталось от клуба, – был разобран.

Все тот же дедок, интересующийся какой-то грудой, сообщил нам с Сашей, что спасатели работали часов до трех дня, правда, с самого начала говорили, что никого живого тут быть не должно. Потом уехали – вроде сегодня еще что-то где-то взорвалось.

Я вопросительно посмотрела на Сашу. Он пожал плечами.

Я поинтересовалась, почему место взрыва не огорожено щитами, не установлена хоть какая-то охрана...

Не успела договорить – дедок хмыкнул.

– Ты в какой стране живешь, девка? Людей живых поискали – и то молодцы. В самом деле молодцы. Работали-то оперативно. Мы смотрели. Технику нагнали... И что тут теперь охранять? Камни? Трупы, вернее, то, что от них осталось, уже вывезли. На опознание, наверное. А это все... Ну, может, завтра и огородят. Говорят, памятник тут ставить будут. А кто? Хозяин, что ли? Но вообще-то сюда люди богатые ходили. Все на машинах на своих. Может, и в самом деле поставят... А может, и опять какой-то ресторан построят...

– А вы не знаете, никто не спасся? – с надеждой в голосе спросила я у дедка.

– Не-а... – протянул он. – Ну как тут спасешься? – и показал своей палкой на грудку камней, еще вчера бывшую ночным клубом.

Я молча кивнула, Саша взял меня под локоток и потащил к машине.

– Удовлетворена? – спросил он.

Я пожала плечами и спросила как бы в воздух:

– Но почему это место не обнесут забором?!

– Скоро обнесут, – сказал мой новый знакомый. – Только не власти. Новые хозяева. Которые на этом месте возведут новый клуб.

Саша говорил уверенно, словно точно знал, что тут появится в самое ближайшее время.

– Но...

– Спасатели сделали свою работу, Ксения. Это не жилой дом. Не станция метро. Ну, в общем, я не знаю всех правил и постановлений, которыми руководствуется МЧС, но больше они здесь не появятся.

После чего Саша завел мотор и поехал в сторону моего дома.

* * *

Он поставил «Гранд Чероки» во дворе, как раз на том месте, где обычно ставил машину отец. Моя «Ока» сиротливо мерзла рядом. Мы поднялись на лифте на пятый этаж, где располагалась наша квартира, и столкнулись на площадке с двумя незнакомыми мне мужчинами. Они как раз звонили в дверь квартиры, где я жила. Я удивленно на них уставилась. Мужчины глянули на меня, на Сашу, и один из них уточнил:

– Колобова Ксения Владиславовна?

Я кивнула. Саша крепко сжал мою руку, которую придерживал под локоток.

Перед нашими носами раскрылись ксивы.

– А вы, простите? – очень вежливо поинтересовались у Саши.

– Разнатовский Александр Викторович, друг Ксении, – представился мой новый знакомый.

Один из служителей правопорядка предложил пройти ко мне в квартиру, а то на лестнице разговаривать как-то неудобно.

– Да, конечно, – сказала я, по инструкции Саши стараясь для виду показать готовность сотрудничать с органами и проявляя радушие.

Я открыла дверь своим ключом (честно говоря, была удивлена, что мамы нет дома, но в связи с последними событиями можно было ожидать всего чего угодно), мы все зашли, я предложила господам раздеться, они сунули ноги в предложенные тапочки. Я отметила, что маминых тапочек под вешалкой почему-то нет.

– В гостиную проходите, пожалуйста, – пригласила я.

У нас была четырехкомнатная квартира. В одной – спальня родителей, во второй – кабинет отца, где он иногда ложится, чтобы не будить маму, если приходит очень поздно или когда они ругаются и не разговаривают друг с другом (а он еще когда-нибудь будет здесь ночевать?), третья – моя, ну и общая, где стоит большой телевизор и мы принимаем гостей.

– Сейчас я чайник поставлю, – сказала я, оставляя мужчин одних и удаляясь в кухню. Пусть Саша принимает огонь на себя.

На середине кухонного стола мне бросилась в глаза большая пластиковая коробочка из-под шведского торта-мороженого, в которой мы держали всякие таблетки. Что она здесь делает? Я заглянула внутрь, увидела, что содержимое значительно уменьшилось, пожала плечами и поставила коробочку в выдвижной ящик пенала, где она всегда хранилась.

После того, как я зажгла газ под чайником, я быстро отнесла в гостиную чашки, выставила на стол печенье и конфеты, представители милиции для вежливости посопротивлялись, но быстро сдались под нашим с Сашей натиском. Саша, как я успела услышать, уже вешал им лапшу на уши. Они как раз говорили про взрыв. Я сновала из кухни в гостиную.

Затем на мгновение решила заглянуть к себе и чуть-чуть подправить макияж. Саша с гостями еще занят, чайник не вскипел, у меня есть время.

На моем письменном столе лежал длинный белый конверт, на котором маминым почерком было написано: «Ксении».

Что такое? Мама писала мне письма только в молодежный лагерь, а чтобы дома... Записки она всегда оставляла без всяких конвертов, просто на столе или на кровати.

Конверт был запечатан. Я удивилась еще больше.

Обычно я разрезаю конверты ножницами, но тут их искать я просто не могла – и разорвала его.

В него был вложен стандартный лист бумаги, явно из пачки, лежавшей у моего лазерного принтера.

«Ксюшенька, прости меня, – писала мама. – Я уйду. Я больше не могу. Я все годы терпела измены твоего отца. Я...»

Не дочитав до конца, я с письмом в руке рванула к закрытой двери в спальню родителей, расположенную в дальнем конце коридора, и со всей силы дернула дверь на себя.

Мама лежала на кровати, сложив руки на груди, в своем свадебном платье, которое хранила все годы и обещала подарить мне, когда я соберусь выходить замуж...

Я бросилась к ней...

И издала звериный, нечеловеческий крик... Из гостиной послышался топот. Мужчины, расталкивая друг друга, ворвались в комнату.

– Мама... – пролепетала я – и грохнулась в обморок. Меня даже не успели подхватить.

Очнувшись на диване в гостиной. Рядом сидел Саша, надо мной склонился мужчина в белом халате, в комнате суетились еще какие-то незнакомые мне люди. Их было довольно много. Из коридора слышались голоса.

– Ну слава богу, – тихо произнес Саша.

Врач стал давать ему указания насчет того, что со мной делать.

К дивану приблизился мужчина, лицо которого показалось мне знакомым. Где же я его видела?

– А вы кто? – спросила я.

– Э... капитан Николаев. Я...

И тут я его вспомнила. Это он вместе с напарником (или как там это у них называется?) ждал меня сегодня у двери... Когда это было? Я посмотрела на часы. Сколько ж времени я оставалась без сознания?

- Мама? - спросила я, переводя взгляд с одного мужчины на другого и на третьего.

Все они отвели глаза. Потом капитан глянул на Сашу.

- Ксения, - начал Саша, - ты должна понимать...

- Она правда?.. - прошептала я.

- Правда, - вздохнул Саша.

Капитан тем временем взял стул и поставил его рядом с диванчиком.

- Не надо бы сейчас, - сказал врач.

- Пара вопросов. Мне необходимо кое-что уточнить. Мои соболезнования, Ксения... Владиславовна. Но я прошу вас ответить на несколько моих вопросов.

А ведь прав был Саша, предупреждая меня, что представители органов правопорядка плевать хотели на твои чувства... Ведь этот капитан знает, что я только что потеряла мать. Но и его, конечно, можно понять. У него работа. Я не должна делать поспешных выводов, сказала я себе.

- А где письмо? - внезапно вспомнила я. - Где мамино письмо? - почти крикнула я и резко села. - Где оно?

- Успокойтесь, пожалуйста, - хором сказали врач и капитан.

Но успокоиться я не могла.

- Сейчас, - встал Николаев, куда-то ушел, вернулся и протянул его мне. - Но пока оно останется у нас.

– Но почему?! Это мое письмо! Мне! Его мама...

– Ксения, это процедура такая, – сказал Саша. – Его тебе потом отдадут.

И посмотрел на капитана. Тот кивнул.

В этот момент врача куда-то позвали. Он нас оставил.

Заливаясь слезами, я читала последнее мамино послание.

Из него я узнала, что отец от нее ушел... Что между ними уже давно ничего не было... Они продолжали жить вместе и сохранять видимость семьи только из-за меня, а теперь необходимость отпала. Вчера папа сказал ей, что я буду жить у мужчины... Мама надеялась, что у меня все сложится хорошо и я не потеряю свою любовь и не буду любить украдкой, как приходилось ей. Мама желала мне счастья и говорила, что за него надо бороться и ни в коем случае не сдаваться. А папа ушел к другой – более молодой, более красивой, которая в ближайшее время должна снова сделать его отцом. И мама решила, что больше никому не нужна. Подруг своих она растеряла, когда отец пошел в гору и в семье появились деньги. Большие деньги, которые вызывали зависть у ее подруг, чьи мужья оказались неудачниками. Она не смогла больше с ними общаться. Они не смогли с нею. Мама называла отца негодяем и предупреждала, чтобы я на него не рассчитывала.

Меня поразили последний абзац. Мама просила прощения за то, что предала меня, причем дважды – еще до рождения и совсем недавно, сказав то, что не следовало говорить. («Что она такое говорила?» – попыталась вспомнить я, но на ум ничего не пришло.) «Я теперь не смогла бы смотреть тебе в глаза, Ксюшенька», – писала мама. Но почему? «Прости, прости за все».

Я опустила руку с письмом, которое капитан Николаев тут же аккуратно вынул и убрал в какую-то папочку.

И начал задавать вопросы, записывая мои ответы. Саша молча сидел рядом.

Капитана интересовали отношения моих родителей. Но я в самом деле ничего не знала. И не замечала. Или не хотела замечать? Или они так умело все скрывали,

чтобы меня не травмировать? Да, случилось, что ругались, но какие муж и жена не ругаются? Бывало, отец спал у себя в кабинете, но потом они всегда мирились.

Я даже не представляла, к кому мог уйти мой отец.

Затем капитан перешел к ночному клубу и вчерашнему взрыву.

Я не отрицала, что была на месте. Да, уехала с Александром Викторовичем. К нему. О взрыве узнала вчера, то есть уже сегодня. Папа примчался к Саше домой узнать, жива ли я. Не могла поверить в случившееся. Да, мы только что (ну не совсем только что) ездили на место.

Нет, я не заметила в клубе ничего странного. Никаких странных посетителей. Да я и не знаю завсегдаев. Я бывала там всего несколько раз.

Кто там оставался, когда мы уехали? Я назвала подруг, дядю Леню, дядю Жору, описала двоих официантов, имен которых не знала.

– Ксения Владиславовна, вы нам, наверное, еще понадобится, – заявил капитан, закрывая папку, встал, кивнул Саше и вышел из гостиной.

– Ну как ты? – спросил Саша.

Я опять невольно заревела. Не могла сдержать слез. Саша утешал меня. Потом кто-то заглянул в дверь и позвал его.

– Полежи немного, – сказал он мне. – Может, попросить врача вколоть тебе снотворное?

– Не надо, – покачала головой я и закрыла глаза.

Саша вышел.

По-моему, я находилась в каком-то полубморочном состоянии. По крайней мере, не совсем адекватно воспринимала происходящее вокруг меня.

Приехал отец. Что-то орал. Ко мне кто-то подходил, отходил. Наконец все звуки стихли. А я погрузилась в забытье...

Когда очнулась, взглянула на часы. Три. Кругом тишина.

Встала. Пошатываясь, вышла в коридор. Добралась до ванной, плеснула в лицо холодной воды. Посмотрела на себя в зеркало. Ужаснулась. Сходила в кухню. Выпила воды.

- Саша! - позвала тихим голосом. Никто не ответил.

Заглянула в свою комнату. Потом в кабинет отца. Перед спальней родителей замерла. Но потом все равно решила открыть дверь. Кровать была пуста... Только примята... Здесь, как и во всей квартире, был бардак. Сколько ж людей тут побывало?

Но теперь все ушли, оставив меня одну. Не было ни Саши, ни отца. Никого.

Я осталась одна.

Меня все бросили. Мама, папа... И Саша тоже... У меня никого нет. Совсем никого. Я совершенно одна.

Но что это такое, я поняла чуть позже...

Глава 4

Похороны мамы прошли, как в тумане. Помню только, как я рыдала. Народу было немного. Казалось, что я никого не знаю. Может, и в самом деле не знала. Отец тоже был, но мы стояли с ним по разные стороны гроба. Он не проронил ни слезинки.

На следующий день хоронили подруг. Вернее, не подруг... Какие-то останки, которые удалось опознать... Три закрытых гроба.

На этих похоронах все – или почти все – были мне знакомы. Но лучше бы я там не появлялась. На меня смотрели, как на прокаженную. И не только смотрели... Меня ненавидели, презирали, проклинали. Их родители, наши сокурсники, преподаватели. Все. Словно я была виновата в гибели Алены, Риты и Светы. Каких только гадостей в свой адрес я не наслушалась... Такого количества дерьма на большинство людей, наверное, не выливают за всю жизнь.

Но я терпела. Я сама чувствовала себя виноватой.

И ушла до окончания грустной процедуры.

– Пошла вон отсюда! – орала на меня бьющаяся в истерике Светкина мать. – Убирайся! Тварь!

Затем последовали еще несколько эпитетов. К Светкиной матери подключился Риткин отец. Риткина мать. Светкин отец. Отец Алены. И только тетя Вика, мать Алены, молчала. Но ее глаза говорили без слов.

– Тебе в самом деле лучше уйти, Ксения, – тихо сказала одна наша преподавательница, всегда хорошо ко мне относившаяся. – Так будет лучше и для тебя, и для всех.

Я повернулась и пошла прочь.

Вернувшись домой, я в бессилии рухнула на кровать. Почему никто не пожалеет меня? Почему все считают меня виноватой? Потому что нужно найти козла отпущения и я прекрасно подошла на эту роль?

Но с какой стати? – тут же спросила я себя. Я виновата в том, что осталась жива? Почему? Разве это вина?

Все равно это будет висеть надо мной до конца жизни. Если я не разберусь в случившемся, не пойму весь расклад. Если я не представлю достаточных доказательств своей непричастности. И чьей-то вины.

Кому я должна их представить? – тут же спросила я себя. Милиции? Так это они должны искать виновных, это их прямая обязанность. Мало ли что там говорили

Саша с отцом...

Но милиция не станет оправдывать меня в глазах всех моих знакомых... Больно им надо. Я должна представить родителям моих подруг и нашим сокурсникам убедительные доказательства... Как я это сделаю – другой вопрос.

Итак, чего я все-таки хочу? И что я намерена делать дальше?

Я однозначно не могу вернуться в институт. Там я для всех – прокаженная. Не знаю, будут ли в меня плевать, но исключать этого не следует. По крайней мере, общаться никто не станет. Это мне ясно показали на похоронах подруг. То есть путь туда заказан.

Перевестись в другой вуз? Но ведь слухами земля полнится... Дойдет и туда... То есть с учебой я закончила.

Пойти работать? Пожалуй. Но куда? Что я умею делать? Два с половиной года проучилась на экономиста. Английский. Компьютер. Что-то можно найти. Но приходить с улицы? Я с детства была научена папой, что в наше время все решают связи. И деньги. Сейчас в фирму скорее возьмут своего знакомого (или знакомого знакомых, за которого кто-то поручится), пусть и не обладающего нужной специальностью, чем человека с улицы с как раз требуемой квалификацией. Везде криминал – в большей или меньшей степени, поэтому и берут своих. Зачем посвящать чужих в дела? Это я, конечно, про те места, где хорошо платят. Но я же не пойду вахтером на триста рублей?

А значит, мне нужна помощь отца. Чтобы он помог мне хотя бы в этом. Но отец...

Не обмолвился со мной ни одним словом после памятной встречи у Саши дома. Я даже не знаю его новый номер телефона. Конечно, есть сотовый. Я надеюсь, что его хотя бы он не поменял?

Но хочу ли я слышать отца? Хочу ли я его еще когда-либо видеть?

Нет, сказала я себе. Я должна попытаться обойтись без его помощи. Я должна научиться жить одна. И рассчитывать только на себя. Больше не будет никого, кто станет решать за меня мои проблемы и давать советы.

А для начала... надо посмотреть, сколько у меня денег.

Я провела ревизию. Отец всегда был щедр и считал, что у меня должно быть достаточно на карманные расходы.

Я нашла тысячу и стодолларовую купюру. В холодильнике уже не осталось продуктов: я так ни разу не сходила в магазин. Это нужно сделать сегодня. И наконец убрать квартиру. Как раз отвлекусь немного от грустных мыслей.

Я вышла из дома, потратила практически все российские деньги, потом занялась уборкой. Провозилась до вечера, но привела квартиру в божеский вид. В вещах матери нашла около четырех тысяч российских рублей. Взяла. Опять рыдала, глядя на висящие в шкафу ее платья, вдыхая запах ее духов. Шкатулку с ее драгоценностями переставила к себе в комнату. Я с детства помнила ее кольца, вот эту брошь – рубинового жучка, с которым мне всегда хотелось поиграть. Как я поняла, мама все сняла с себя перед тем, как наглотаться таблеток.

А я ведь виновата и в ее смерти... Если бы мы с Сашей приехали чуть раньше. Если бы я не осталась у него ночевать... Ее можно было бы спасти...

А Саша мне так больше ни разу не позвонил. Ему я тоже оказалась не нужна.

Я никому не нужна. Господи, за что мне такое наказание?

Вечером, когда я ужинала бутербродами с колбасой, в двери повернулся ключ и щелкнул замок. Я выскочила в коридор.

В прихожей стоял отец.

– Здравствуй, Ксения, – сказал он ничего не выражающим, ровным тоном. – Нам надо поговорить.

Я молча пожала плечами: при виде отца впала в какую-то апатию. Еще недавно я думала, что при следующей встрече не смогу себя сдержать и хотя бы выскажу все, что о нем думаю, – в соответствующих выражениях. Но теперь мне только хотелось, чтобы он поскорее ушел. А значит, я должна выслушать, что он собирается сказать. Вытерпеть его присутствие. И тогда он закроет за собой

дверь. Если бы год, даже месяц назад мне кто-то сказал, что наши с папой отношения так изменятся, я бы не поверила. Обычно он обнимал и целовал меня при встрече, мы шутили друг с другом или, по крайней мере, улыбались.

Он разделся и прошел на кухню. Я налила ему чаю, опустилась на табуретку напротив и молча уставилась на еще совсем недавно близкого мне человека. Он отвел взгляд, затем закурил, посмотрел в окно, за которым уже стояла ночь.

- Надо быть оптимисткой, Ксения, - наконец сказал он.

- Да уж, - хмыкнула я. - Смотрю я вот в будущее с огромным оптимизмом, только не вижу ничего хорошего.

Пропустив мои слова мимо ушей, отец спросил:

- Что ты думаешь делать дальше?

- Устраиваться на работу, - ответила я.

На мгновение в глазах отца промелькнуло удивление, потом он поинтересовался куда.

- Еще не знаю, - ответила я. - Но ты же понимаешь, что я не могу вернуться в институт.

Отец кивнул и пообещал что-то для меня подыскать. Я вежливо поблагодарила. От помощи не отказалась, но про себя подумала, что надо будет и самой подсуетиться немного. Хотя бы попробовать. Все-таки лучше больше не быть ему ничем обязанной.

- Я купил тебе квартиру, - внезапно сказал отец.

- Что?! - вылупилась я.

- Ты понимаешь, Ксения, - быстро заговорил он, - что мы не сможем вместе жить здесь? - Он сделал рукой круговое движение. - Это будет тяжело и для тебя, и для меня, и для...

– Твоей новой бабы? – прошипела я. – Ты хочешь привести свою шлюху сюда?

– Ну, в общем...

В эту минуту у меня было желание его убить. Схватить нож из ряда висевших на стене и воткнуть ему в сердце. С трудом сдержалась – только потому, что не хотелось садиться в тюрьму из-за этого негодяя. И ведь тогда я не смогу провести свое расследование.

А он продолжал говорить. Роскошная однокомнатная квартира уже была оформлена на мое имя. И обставлена. Отец поможет мне перевезти туда мои личные вещи, компьютер, посуду – если я захочу что-то взять из этой квартиры.

– Я возьму все мамины вещи, – сказала я.

– Где ты собираешься их хранить? – рявкнул отец.

– Не твое дело. Найду уж где-нибудь. Твоей шлюхе я их оставлять не собираюсь.

Отец пожал плечами, пробурчав что-то типа «Ну как знаешь», потом поинтересовался, не звонил ли Саша и на чем мы расстались в последний раз. Очень расстроился, узнав, что мы больше не встречались.

– А тебе-то что? – огрызнулась я, а потом до меня стало кое-что доходить... Я вспомнила разговор в Сашиной квартире... Отец предпочел отдать ему меня вместо каких-то процентов. А если Саша меня не взял, то, не исключено, потребует с отца новую плату. И папочка переживает по этому поводу. Вот гад. Пусть понервничает. Ему полезно.

Папа тем временем рассказывал мне, какая Саша сволочь, бабник, развратник, негодяй и так далее в том же духе. В общем, из папиной речи следовало, что хуже человека нет на всем белом свете. Невольно напрашивался вопрос: а как же тогда мой отец мог оставить меня, свою единственную дочь, с этим негодяем? Кто тогда он сам? Я спросила его об этом.

Отец понес какую-то ахинею. Я перебила, решив выяснить, из-за чего все-таки разгорелся весь сыр-бор.

– Ты не считаешь, что я имею на это право? – заорала я. – Из-за чего взорвали клуб? Из-за чего погибло столько людей? Куда ты вляпался?

– Я никуда не вляпался, – спокойно ответил мне отец. – Виновные, кстати, уже арестованы. И находятся под следствием. Милиция сработала очень оперативно.

– Что?! – не могла поверить я. – И кто?..

– Ксения, я повторяю, что не имею никакого отношения к взрыву. Это были разборки... В одном из кабинетов – ну тех, что с другой стороны, ты ведь туда как-то заходила? Или не заходила? – в общем, в одном из кабинетов сидели несколько астраханских. Ну, знаешь, это... В общем, из бандитов. У них разборки с багаевскими. Петр Петрович Багаев... Ну, в общем... Ты понимаешь, о чем я говорю? Я, конечно, все упрощаю, но... Они вечно что-то делят между собой. Вот и... Я считаю, что багаевские грохнули астраханских. В глубину не лезу. Кстати, наши правоохранительные органы придерживаются такой же версии.

– И что? – тихо спросила я.

– Виновных уже арестовали. Я же сказал тебе.

– Кого?

– Двух подозреваемых. То есть они уже обвиняемые. Они во всем признались. Ну, что подложили взрывное устройство. За деньги. Они не спрашивали нанимателя, кто он. Просто выполняли свою работу. Выполнили.

Меня, конечно, интересовало, как их нашли. Бомжи подробно описали, ответил мой отец. Местные исследователи помоек, как и обычно, копались в контейнерах, стоявших за «Сфинксом», и случайно обратили внимание на двух подозрительных лиц, покидавших клуб с черного хода. Их выпускал официант. Тот официант не погиб во время взрыва, но успел броситься в бега. Его ищут, чтобы допросить. Главное, милиция больше не роет носом землю: есть признание, есть лица, признавшие в содеянном, дело раскрыто.

А не врет ли мне отец? – мелькнула мысль. Не в том смысле, что кто-то там арестован – это-то скорее всего так и есть, – а в смысле причин взрыва. И если я

правильно поняла то, что говорилось в квартире у Саши... А я думаю, что правильно. У меня сложилось такое впечатление, что и Саша, и отец знали, что взрыв должен произойти. Или отец заранее не знал, но тут же все понял. Ожидал чего-то подобного. Или взрыв стал предупреждением?

Но тогда почему кто-то признался? И как их так быстро нашли? По описанию бомжей? Может, конечно, те люди в самом деле подкладывали взрывчатку, но ведь виновен-то заказчик, а не исполнитель?

Кто заказчик? С какого боку тут отец? Почему он, если знал о готовящемся взрыве, его не предотвратил? Ведь это его клуб. Он вбухал в него немало денег, предприятие приносило доход. Значит, все-таки не знал? А герой-любовник Саша откуда взялся? Он-то, кстати, чем зарабатывает на жизнь и многочисленные удовольствия? Они с отцом конкуренты, как говорил Саша? Что у них на самом деле за отношения? И какие цели преследовали оба? В этом деле они вместе или по отдельности? И зачем все-таки взорвали клуб?!

- Чем ты теперь намерен заниматься? - спросила я у отца.

- Тем же самым, - пожал он плечами.

- То есть?

- Ну ведь у меня есть еще два клуба, насколько тебе известно. Как работал, так и буду работать. И «Сфинкс» будет отстроен заново.

Я уточнила про дядю Леню. Он тоже погиб? Отец кивнул.

- Значит, ты остаешься единственным директором?

- Ну не совсем... Клубами будет управлять совет директоров. Хотя реально... В общем, директором буду я. Или управляющим. Ксения, должность не имеет никакого значения! Я буду работать так, как работал раньше. Это - самое главное.

Насчет самого главного у меня были другие мысли, но я решила попридержать их при себе.

- Чем занимается Саша? – уточнила я.

- Забудь о нем, – ответил отец. – Оставил тебя в покое – ты радоваться должна.

Я не очень радовалась. Отец вспомнил о своих родительских функциях и опять стал меня увещевать, что этот мужчина – не для меня, он меня не стоит, он вообще такой-сякой-разэтакий. Это мне уже говорилось сегодня.

Выслушав отца, я повторила свой вопрос. Для себя я решила, что должна встретиться с господином Разнатовским и уточнить у него пару моментов. Ведь он явно многое знает... Да, он мне понравился, но теперь не это было главным и мне стало не до устройства личной жизни. Я хотела разобраться в случившемся, вернее, в причинах случившегося, но объяснять все это отцу я не собиралась.

- Ксения, мне очень жаль, что он... и тебя охмурил, – заговорил папа. – Возможно, тебе будет неприятно это слышать... но он меняет женщин, как перчатки. Как презервативы, если быть абсолютно точным. В городе даже есть нечто типа клуба... – папа хохотнул. – «БПР» – бывшие подруги Разнатовского. Или брошенные.

- Хочешь поздравить меня со вступлением в члены? – съехидничала я.

Отец хотел, чтобы я выбросила Сашу из головы. Окончательно и бесповоротно. Он обещал помочь мне с переездом, с поиском работы и собирался давать деньги и после того, как я на нее устроюсь. Чтобы мне на все хватало. Он не хочет, чтобы я хоть в чем-то нуждалась. Я вообще могу не работать, а заняться поисками мужа – что, наверное, было бы идеальным вариантом.

Отец достал бумажник, раскрыл и отсчитал десять стодолларовых бумажек.

- Это на первое время, Ксения, – сказал он, пододвигая их ко мне. – Я помогу тебе во всем. Сделаю все что угодно. Но у меня будет одно условие.

Я напряглась.

- Ты больше не суешь нос в это дело. И в мои дела вообще. Ты ничего не видела и не слышала. Ты меняешь круг знакомых – а ты меняешь, как я понимаю? Ты

просто стараешься как можно скорее забыть о случившемся. Это было для тебя очень неприятным моментом...

Тоже мне выраженьице нашел, пронеслась мысль, но я продолжала слушать дальше.

– Ксения, у милиции есть официальная версия. Следствие закончено. Виновные найдены. Тебя больше никто не станет ни о чем спрашивать. Все! Только никуда не лезь. Забудь обо всем, что ты слышала в квартире у Саши. Прости меня за излишнюю резкость. Я тогда был на взводе. Когда я узнал, что ты тоже была в клубе в ту ночь... Ну ты сама должна понимать. Сашу, как я думаю, ты никогда больше не увидишь. Выкинь его из головы. Выкинь все из головы. Живи дальше. Начни жизнь с чистого листа. Тогда я помогу тебе во всем.

– Хорошо, папа, – сказала я, как покорная дочь, а про себя подумала: «А вот фиг тебе».

Я уже точно знала, что не успокоюсь, пока не докопаюсь до истины. Я должна была понять, почему погибло столько ни в чем не повинных людей, в чьей смерти – пусть опосредованно – обвиняют меня. Почему произошел взрыв, так круто изменивший мою жизнь? Почему я должна страдать, лишившись всех друзей? Почему я должна бросать институт? Почему все пошло наперекосяк? За что страдаю я?!

Я дала себе слово, что разберусь. Только буду действовать хитро и постараюсь не привлекать к себе внимания. И использовать всех, кого удастся. Отца, Сашку, может, еще каких-то людей...

– Вот и отлично, – повеселел папа.

Он выпил еще чашку чая и заявил:

– Ну мне пора. Я хотел тебя как-нибудь познакомить...

– Не сейчас, – оборвала я его.

– Ты должна понять меня, Ксения... Ты же уже взрослая. Мы с мамой старались...

– Я все понимаю. Не надо об этом.

– Хорошо. – Он все понял.

Я закрыла за ним дверь и долго сидела, уставившись в одну точку. Потом я решительно встала, собрала свои и мамины вещи, которые я ни в коем случае не хотела оставлять другой женщине. Отцовской шлюхе, как я ее назвала.

Еще одной причиной, побуждавшей меня браться за собственное расследование, было желание наказать отца, как я считала, виновного в смерти мамы. И как он смеет даже желать привести в нашу квартиру другую женщину, когда на маминой могиле еще не успели завянуть венки?! Пусть даже в последние годы они только сохраняли видимость брака...

И раз он требует, чтобы я забыла обо всем случившемся, значит, у него рыльце в пушку...

Кстати, а почему мама решила покончить с собой именно в ту ночь?

Глава 5

В самое ближайшее время я переехала в новую квартиру. Она, правда, была не совсем новой: в ней раньше кто-то жил, но только что был сделан ремонт и она оказалась в прекрасном состоянии. Восемнадцатиметровая комната, девятиметровая кухня, огромный холл – в общем, жить можно. Я переставила мебель, разложила вещи, подключила компьютер. Один шкаф отвела под мамины вещи, которые собиралась хранить... Отец разрешил мне взять все, что мне хотелось, включая посуду, кастрюли, постельное белье. Я взяла. Не из жадности и не потому, что собиралась в ближайшем будущем экономить деньги, не представляя свои возможные источники дохода, а потому, что ничего не хотелось оставлять его шлюхе. Я бы лучше все это раздала бедным. Вообще все из нашей старой квартиры, оставив там лишь голые стены, и даже их... Я с ужасом думала о том, как в той квартире, где хозяйничала мама, станет жить новая женщина. Как только отец... Думать о нем совсем не хотелось. Я не представляла, как могла в нем так ошибаться. Его шлюху я пока ни разу не

видела и желания такого не испытывала. Хотя бы это он понимал.

Переехав, я попросила отца никому не давать мой новый номер телефона и передать эту просьбу его сожительнице. У меня имелись для этого основания: мало того, что во время похорон подруг на меня смотрели, как на прокаженную, несколько человек еще посчитали своим долгом мне позвонить и наговорить гадостей. Те, кто мне когда-то завидовал или просто не любил по какой-то причине, дали волю словам. Я никогда не думала, что люди такие злые... Никого из старых знакомых больше не хотелось ни видеть, ни слышать. Я начинала жизнь с чистого листа.

Обустроившись на новом месте, стала внимательно изучать рекламные объявления с предложением работы, но пока ничего не находила. Отец сказал, что будет выдавать мне по пятьсот долларов в месяц, пока не устроюсь. Вроде как отступные. Или он все-таки меня любит? Не мог же он разом вычеркнуть меня из жизни?! Я не отказывалась от денег. Пусть платит: его шлюхе меньше достанется. Я ее заочно ненавидела.

Каждый вечер я сидела в одиночестве, вспоминала прошлое, с ужасом думала о будущем. Я не представляла, что меня ждет дальше, и не понимала, с чего начать запланированное расследование. Но в один прекрасный день сказала себе: с самого начала. Или с кульминационного пункта. В любом случае, под лежащий камень вода не течет. Надо съездить на место, осмотреться там, возможно, найти окрестных бомжей, побеседовать с ними. Мало ли что они говорили милиции... Да и не все, наверное, имели желание общаться с нашими органами правопорядка. А со мной, может, и поговорят? В общем, попытка – не пытка. Хотя жизнь моя в последнее время ею стала...

Я села в «Оку» и порулила в центр города, к тому месту, где еще совсем недавно стоял «Сфинкс».

Специально припарковалась на соседней улице, чтобы не привлекать ничьего внимания, и пешком направилась в сторону набережной. Хотя уже стемнело и обычный рабочий день закончился, по мере приближения к месту звуки строительных работ становились все громче.

Наконец я вышла на набережную. Ограждение было восстановлено, а место взрыва обнесено забором, нагнана всевозможная строительная техника.

Площадка освещалась мощными юпитерами, кругом сновали рабочие. В общем, можно было ожидать, что в обозримом будущем здесь возведут новый клуб.

Я остановилась на некотором удалении и уставилась на «муравейник»: суета на строительной площадке напоминала мне именно его.

Внезапно за моей спиной послышался стук палки о холодный, обледенелый асфальт. Я резко обернулась. Ко мне подходил дедок, которого мне довелось видеть на этом месте, когда мы приезжали сюда с Сашей.

Дедок остановился рядом со мной. Он меня, конечно, не вспомнил. Мы молча стояли рядом, наблюдая за активной работой.

– Нет в них ничего святого, – наконец тихо произнес дедок, трясая головой. – Кошунство это! На таком месте стройку начинать... Говорил я с рабочими – опять, говорят, клуб будет. Веселиться тут собираются... На чужих костях.

И дедок горестно покачал головой.

Я поинтересовалась, когда началось строительство.

– А почти сразу, – ответил дедок. – Дня через два... Нехристи! Еще про памятник говорили... Какой памятник... Все на костях. Весь Питер. И раньше на них строили, и теперь вот...

И он снова покачал головой. Потом посмотрел на меня и спросил, кто из моих знакомых там погиб.

– А почему вы решили, что там был кто-то из моих знакомых?

– Так стояла бы ты тут? – удивился дедок. – Зеваки только в первый день были.

– Подруги, – тихо сказала я.

– Ну вот видишь...

Я сказала, что слышала об аресте виновных. Дедок только усмехнулся.

- Эх, девка, девка... Не всему верь, что слышишь...

- Так арестовали кого-то или нет? - ухватилась я за дедка.

- Кого-то, конечно, арестовали, - произнес он, растягивая слова, затем снова очень внимательно на меня посмотрел. Я не отводила взгляда. И дедок не отводил, потом опять в очередной раз покачал головой и добавил: - А ты лучше здесь не появляйся. И не лезь в это дело. Не лезь! - повторил он, развернулся, сделал два шага в ту сторону, откуда пришел, оглянулся и сказал: - Уезжай. Плохое место.

И пошел своей дорогой, стуча палкой по асфальту. А я осталась стоять в недоумении.

Он что-то знает? Что-то видел? Или кого-то? Может, мне следовало с ним поговорить поподробнее? Зачем я сюда приехала? Я же хотела что-то узнать! Вот он - шанс! А я его упускаю. Что же я стою-то, как истукан?

Я развернулась и бросилась вслед за дедком, уже заворачивавшим в какую-то арку, выходящую на набережную. Но догнать не успела: я увидела Викторию Александровну, мать Алены, показавшуюся из-за угла.

Я резко остановилась. Тетя Вика тоже замерла, конечно, сразу же меня узнав. Я не могла решить, бежать ли мне от нее или попробовать поговорить... Конечно, она меня прокликает. И ей больно видеть меня, живую и здоровую, в то время как ее дочь лежит в земле. Вернее, то, что осталось от дочери...

Тетя Вика сама сделала первый шаг. Перешла улицу и вплотную подошла ко мне, застывшей на набережной.

Выглядела она откровенно плохо: синяки под глазами, морщины, которых раньше не было, казалось, со времени нашей последней встречи она постарела лет на десять. Ни следа косметики, черный платок...

- Здравствуй, Ксения, - тихо сказала она.

– Здравствуйте, тетя Вика.

Я встретила с ней взглядом и выдержала его, хотя, признаться откровенно, мне это было тяжело. В ее глазах, как мне показалось, горел какой-то нехороший огонь... Безумия? – пронеслась мысль.

– Я тебе звонила, – внезапно сказала тетя Вика, – и просила дать твой новый номер телефона.

– Чтобы высказать какую-нибудь гадость? – Я не смогла сдержаться.

Тетя Вика вскинула на меня удивленные глаза. Огонь потух.

– Почему? – вырвалось у нее. – А... Тебе звонили и оскорбляли? – внезапно дошло до нее.

Я лишь горестно усмехнулась.

– Негодяи, – сказала она.

Теперь настал мой черед удивляться.

– Нет, Ксения, я хотела перед тобой извиниться...

– За что?!

– За похороны... За то, как мой муж, то есть бывший муж... и остальные... Значит, до сих пор не оставили тебя в покое?

Я покачала головой.

– Вы поменялись? – поинтересовалась тетя Вика.

Я сообщила, что отец купил мне квартиру и я теперь живу в другом месте.

– А твои родители? Ведь к телефону подходила не твоя мама. Мы же с Анной Петровной...

Она говорила что-то еще, а я тем временем поняла, что ведь тетя Вика ничего не знает про маму. Никто не знает. Всем моим знакомым было наплевать на то, что происходило со мной. Я никому ничего не сказала, не оправдывалась, а никто и не интересовался.

– Ксения, что с тобой?! – словно издали донесся голос тети Вики, явно заметившей мое выражение лица. – Ксения? – робко спросила тетя Вика. – Что-то?.. Ксения, я же вижу, что у тебя что-то случилось! Не только тут... – Она кивнула назад, в сторону строительной площадки, на которой продолжала бурлить деятельность.

– Мамы больше нет, – тихо произнесла я, утирая рукавичкой катившиеся по щекам слезы. – Она... наглоталась таблеток. Как раз в ту ночь... Ну, когда Алена... И все... А отец...

И тут из меня полился поток – слов, не слез. Слезы больше не текли. Наверное, мне нужно было кому-то высказаться. Может быть, даже накричать. За то, что меня никто не пожалел. За то, что меня все бросили. За то, что всем было плевать на мои чувства. Я говорила и об отце, и о тех, кого еще недавно считала своими друзьями, о наших преподавателях и так называемых друзьях семьи. О том, что мне пришлось пережить за последние дни...

Тетя Вика очень внимательно меня слушала, ни разу не перебив. Потом обняла и прижала к себе.

– Бедная девочка, – тихо произнесла она. – Бедная девочка. Прости меня. Прости, если можешь... Прости, что я...

Теперь мы ревели уже вместе.

– Поедем ко мне, – предложила тетя Вика. – Поедем, Ксюша. Наверное, вдвоем будет легче.

Я сказала, что моя машина стоит на соседней улице. Тетя Вика засомневалась, смогу ли я в таком состоянии сесть за руль. Сяду, сказала я, за рулем я всегда мобилизуюсь.

В общем, мы, поливая асфальт слезами, добрались до моей «Оки», и я порулила к тети-Викиному – и еще недавно Алениному – дому.

Аленина мать заварила крепкого чаю, потом достала бутылку водки (которую я раньше никогда не пила), мы с ней выпили, не чокаясь, потом еще выпили, еще поревели друг у друга на плечах, а затем тетя Вика отодвинула бутылку в сторону и заявила:

– Я намерена найти убийц своей дочери. И наказать их, – и со всей силы грохнула кулаком по столу – так, что подпрыгнули бутылка, рюмки и чашки. В ее глазах снова загорелся огонь. – Пусть я потом сяду в тюрьму, пусть меня расстреляют. Мне плевать. Мне эта жизнь опостылела. Я ведь жила только ради Алены... Я должна отомстить, Ксения. Понимаешь? Отомстить! Чего бы мне это ни стоило. Это теперь смысл моей жизни.

Я кивнула. И призналась тете Вике в том, что планировала делать сама. А потом рассказала ей все... Про тот вечер в «Сфинксе», про Сашу, отца и даже дедка, которого видела два раза и за которым хотела сегодня бежать.

Тетя Вика опять меня очень внимательно выслушала, а потом заявила, что теперь, по крайней мере, у нас есть информация, с которой можно начинать (у нее-то самой ничего не было), и спросила, что я знаю о бизнесе своего отца. К сожалению, я им раньше никогда не интересовалась...

– Давай уточним один момент, Ксения, – заявила тетя Вика, подливая мне чаю. – Насчет твоего отца. И твоего к нему отношения. Я ведь – признаюсь тебе честно – его пристрелю, если узнаю, что это он постарался...

– Стреляйте. Я вам помогу контрольный в голову сделать.

Мы с пониманием встретились взглядами и улыбнулись друг другу. Не знаю, как там насчет огня в моих глазах, но в тети-Викиных он разгорался все сильнее и сильнее с каждой минутой.

– Только из чего стрелять будем? – Мне стало весело, заодно я порадовалась, что могу теперь даже смеяться: после того, как я всем поделилась с тетей Викой, мне стало легче. Я нашла родственную душу. Только я хотела оправдаться в глазах всех знакомых (хотя зачем мне это надо? – думала я теперь), а тетя Вика намерена мстить за дочь. У нее благая цель, считала я. Если преступников не наказывает закон, то родственникам приходится самим брать на себя возмездие. А как же иначе? Око за око, зуб за зуб... Теперь я прекрасно понимала смысл народной мудрости. И тетю Вику, которой должна помочь. И наказать виновных. Просто потому, что они должны быть наказаны. Справедливость на нашей стороне.

Тетя Вика полностью разделяла ход моих мыслей, заявила мне, что все наши с Аленой бывшие сокурсницы, их родители и наши преподаватели – редкостные сволочи, к тому же мнящие из себя неизвестно что. Виктория Александровна призналась, что ей очень не нравилось, что Алена училась в нашем коммерческом вузе и мечтала стать такой, как основная масса его учениц, выйти замуж не по любви, а за деньги, разбогатеть любой ценой. Чувства отошли у нее на другой план.

– Я ненавижу этот выпендрей, Ксения! Этих ваших стерв, носы воротящих... И подружек ваших с Аленой... Ненавижу! Всегда мне хотелось их убить! За то, что все им досталось, а не мне! Чем моя Аленка была хуже? Ну скажи: чем? Чтоб они все сдохли! Чтоб еще взорвались в каком-нибудь клубе! Да я бы сама тому киллеру заплатила! Только Аленку мою за что? Скажи мне: за что?

Виктория Александровна вдруг выскочила из-за стола, резко выдвинула один из ящичков, схватила нож для разделки мяса и, крепко сжимая его в руках, с горящими глазами и пеной у рта поклялась собственноручно зарезать убийц своей дочери. Глядя на тетю Вику в таком состоянии, я вся сжалась внутри – мне стало страшно. Но приступ вскоре прошел, тетя Вика бросила нож в раковину, разрыдалась, потом высморкалась и разлила нам еще водки, мы снова выпили. Вот эта рюмка была мне очень нужна.

Мы еще немного поговорили про несправедливость в мире, про дерьмо, вылезшее в последнее время из всех щелей, а затем тетя Вика перешла к конкретному плану действий.

– Итак, – сказала она (в эту минуту она казалась совершенно нормальной), – мы должны выяснить, почему «Сфинкс» взорвали, кто – и с ним разобраться. Как –

придумаем после, когда будем знать конкретного виновника. Ох, как я хочу его убить... - и тетя Вика заулыбалась нехорошей улыбкой. Видимо, представляла, как будет это делать.

- У вас пистолет есть? - уточнила я. - Или хоть какое-то оружие?

- Яд достану, - заявила она. - Я же медик как-никак. Хотя и клятву давала... Но подонков надо сживать со света. Любыми способами и средствами. Уничтожать, как паразитов. Хотя почему «как». Паразиты они и есть.

Я считала точно так же.

У тети Вики в доме также имелись всевозможные медицинские инструменты, которыми она (или я) сможем воспользоваться. Виктория Александровна мне их с гордостью продемонстрировала, объясняя предназначение каждого. Хирургические перчатки помогут нам не оставлять отпечатки пальцев. Мы, конечно, были дилетантами, но детективы читали, фильмы смотрели, отечественную криминальную хронику тоже, кое про что слышали, да и рассчитывали на собственные головы.

- Так с кого мы начинаем? - посмотрела я на старшую сообщницу. - С дедка?

- Дедок никуда не денется, - заявила тетя Вика. - И к бомжам мы тоже всегда успеем. Я думаю, что мы должны проехать к твоему Саше. Он ведь в любом случае знает больше всех.

- Вы уверены, что он нам что-то скажет?

- А я, Ксения, не намерена с ним цацкаться. Как и со всеми остальными.

И, бросив взгляд в раковину, где так и лежал нож, тетя Вика рассказала мне, что намерена предпринять. По ходу дела я предложила кое-что изменить...

- Ну вот видишь, - улыбнулась тетя Вика. - Одна голова - хорошо, а две - лучше. Итак, когда мы к нему?

Мы взглянули на часы: уже перевалило за полночь, да и мы сегодня изрядно выпили, за руль я сестра не могла. И кое-что следовало подготовить.

Завтра поближе к вечеру, решили мы. В глазах тети Вики разгорелся настоящий костер. Я же очень сильно опьянела, меня клонило в сон, и я рухнула на Аленин диван, даже не подумав, что с тетей Викторией желательнее не оставаться на ночь в одной квартире. Но, слава богу, все обошлось.

Глава 6

После смерти дочери Виктория Александровна брала две недели за свой счет, теперь она уже вышла на работу, но в больнице скользящий график, и она работала сутки через трое. Я пока оставалась абсолютно свободна и решила до окончания нашего расследования никуда не устраиваться. Про пятьсот долларов, которые обещал мне выдавать каждый месяц отец, тете Вике я рассказала, так что кое на какие средства мы рассчитывать могли, хотя Виктория Александровна и планировала бесплатно прихватить большую часть необходимого арсенала у себя в больнице и договориться с друзьями, на которых могла положиться.

– Вы уверены, что они нас не выдадут? – уточнила я.

– Васька с Колей? Никогда. Они хоть и алкаши, но мужики надежные. Порядочные. По-своему. А про Алену они знают... И «новых русских» ненавидят лютой ненавистью. За радость посчитают нам помочь. А если еще и бутылку поставим... Они навеки наши.

С утра пораньше мы выскочили в ближайший магазин, купили пару бутылок «Русской» и на моей «Оке» поехали в больницу, где работала тетя Вика, только не в ее отделение хирургии, а к совсем другому входу – в морг.

Я, конечно, была непривычна к тамошнему запаху. Когда я нашла маму, она еще... Нет, об этом не буду.

– Ничего, Ксения, придется потерпеть, – глянула на меня через плечо тетя Вика, устремляясь в дальний конец помещения, к почти незаметной двери.

Я пошла за ней, зажимая нос, и вскоре мы уже здоровались с двумя личностями непонятного возраста, дня три небритыми. Тетя Вика хлопнула на стол одну из бутылок и заявила, что в скором времени Вася с Колей получат еще. Те расплылись в широчайших улыбках. А тетя Вика стала давать им указания: выпить сейчас, но к вечеру быть трезвыми. Работать будем.

– Как скажешь, Александровна. Для тебя – что угодно, любовь моя. – Вася осклабился, во рту не доставало нескольких зубов.

– Ждите нас часов в десять, – сказала тетя Вика. – И чтоб были в форме. Иначе больше никогда не поставлю.

Вася с Колей изобразили некое подобие стойки «смирно», только несколько кривоватой, потому что стоять прямо они были не в состоянии.

Когда мы вышли из маленькой комнатки, то практически лицом к лицу столкнулись с чисто выбритым мужчиной, из-под ворота белого халата которого выглядывали белоснежная рубашка с галстуком и свитер. Они с тетей Викторией отошли в сторону и заговорили на какие-то медицинские темы, в которых я ничего не смыслила. Мне, конечно, хотелось поскорее покинуть морг, но я не могла уйти без тети Вики, а поэтому осматривала сотрудников (мною абсолютно не интересовавшихся), орудующих в двух помещениях, открывавшихся мне с того места, где я стояла. Честно говоря, я ожидала, что все тут будут выглядеть примерно так, как Вася с Колей. Но ошиблась. В одном зале покойников одевали женщины вполне приличного вида, некоторым из них я вообще не дала бы больше двадцати пяти. В другом, где стояли холодильные камеры, двое молодых мужчин – лет по тридцать, в данный момент абсолютно трезвые, – то выдвигали носилки с трупами и куда-то отвозили, то привозили новые и задвигали в пустые дыры свободных камер. Движение было довольно активным – по крайней мере, мужчины без дела не стояли. Неужели у нас столько покойников только в одном морге? Хотя больница-то большая...

Тетя Вика вскоре освободилась. Я поинтересовалась у нее сотрудниками данного заведения. Она пояснила, что Вася с Колей постоянно проживают в подсобке, где мы с ними встречались. В общем-то, держат их из жалости. Но и

работу они кое-какую выполняют. Самую грязную и неблагодарную. Моют полы и столы, можно сказать, несут охрану, ну и выполняют еще ряд функций, которые другие работники с радостью перекалывают на их кривые плечи. Мне обо всех деталях знать не следует, так как нормальному человеку, не связанному с этой стороной жизни (жизни?), говорить на подобные темы неприятно. Я согласилась с тетей Викой.

В девять мы позвонили Саше, выяснив номер телефона по адресу, чтобы проверить, дома ли он. В противном случае все теряло смысл. Говорила тетя Вика, спрашивая Лену. Естественно, Саша ответил, что она не туда попала. Голос Саши я узнала.

- Только бы не умотал никуда, - заметила тетя Вика.

- По-моему, он немного навеселе, - заметила я.

Тетя Вика кивнула и сказала, что мы должны молиться, чтобы он был в квартире один. Хотя...

Затем мы приступили к процедуре преображения нашей внешности. Я очень порадовалась познаниям тети Вики и через полчаса, глядя на себя в зеркало, узнать себя не могла: казалось, что мне теперь лет тридцать пять и о красоте я всегда могла только мечтать. Себя тетя Вика тоже изменила до неузнаваемости.

В десять вечера мы на «Оке» снова приехали к моргу. Во второй раз мне внутри было заходить гораздо легче, и я поняла, почему тетя Вика настояла на моем утреннем визите, хотя тогда это было необязательно.

Вася с Колей были почти трезвы и побрились. Тетя Вика их внимательно оглядела, кивнула, и мы вчетвером покинули морг. Вася запер дверь на ключ. Казалось, он не замечает никаких перемен в Виктории Александровне. По крайней мере, он ничуть не удивился, увидев ее преображенной, и сразу же узнал. Она что, часто занимается подобным? Или Васе с Колей уже все равно?

Я поразились, что в морге не остается дежурных: ночью что, трупы не привозят?

- А тут никто?.. - шепотом спросила я тетю Вику.

– Отсюда, Ксения, уже не сбежишь, – хохотнула та. В ее глазах опять горел огонь.

– Но никому не понадобится?..

– Уже нет, не беспокойся. Я знаю, что делаю.

Мы вчетвером загрузились в спецмашину, припаркованную недалеко от входа, Вася сел за руль, Коля – рядом с ним. Мы с тетей Викой надели грязно-белые халаты, поверх накинули пальто: тетя Вика – свое, а я – старомодное мамино, которое она уже не носила много лет. Я порадовалась, что перевезла к себе в квартиру старые вещи. Не в моей же «норке» выполнять роль медсестры?

Следуя моим указаниям, Вася в скором времени добрался до нужного нам двора. При виде спецмашины гаишники как-то сразу отворачивались, что бросалось в глаза. Я поинтересовалась, останавливают ли Васю когда-нибудь стражи правопорядка.

В ответ рассмеялись все, собравшиеся в машине.

– Как ты думаешь, почему я захотела на этой ехать? – спросила у меня тетя Вика. – Да кто ж тут внутрь полезет? Менты наши точно знают, что тут возят. А те, кто не знает, тому и не положено.

Я, честно говоря, раньше если и видела такие машины в городе, то внимания на них не обращала. А вон ведь даже внутри пришлось прокатиться.

– А на скольких покойников она рассчитана? – поинтересовалась я, оглядывая заднюю часть.

– Сколько надо – столько и уместим, – ответил Коля.

Вася припарковал машину рядом с Сашиним джипом, мы выгрузились, Коля прихватил носилки и мы втроем сели в лифт, поднялись на нужный этаж и позвонили в знакомую мне дверь.

- Вы кто? - слышался из-за двери Сашин голос. Он явно увидел в глазок двух женщин в белых халатах, торчащих из-под пальто. Коля стоял чуть поодаль, спустившись на две ступеньки.

- Спецтранспорт вызывали? - спросила равнодушным голосом тетя Вика.

- Какой еще спецтранспорт? - рявкнул из-за двери Саша.

- Ну то есть как какой? Вон у меня путевка, - и тетя Вика извлекла из кармана какой-то исписанный бланк и приложила к глазку.

Саша дверь распахнул. И это было его ошибкой. Тетя Вика тут же направила ему в лицо струю газа, мы все трое мгновенно натянули на лица противогазы, прихваченные с собой из больницы (там они, к моему удивлению, хранились в большом количестве, причем в комнатке рядом с моргом) и влетели в квартиру, прикрыв за собой дверь.

Саша уже лежал на полу. Он был в спортивных штанах и футболке.

Я рванула в спальню к комоду (расположение квартиры и мебели в ней знала лучше других), вытащила оттуда простыню, по ходу схватила свитер и вернулась в прихожую, где тетя Вика с Колей уже загрузили Сашу на носилки.

- Свитер на него наденьте, - сказала я. - А то еще простудится.

- Где ты видела покойников в свитерах? - поднял на меня глаза Коля.

- Ну... - промычала я.

- Возьми, возьми свитер, - кивнула тетя Вика. - А то в самом деле еще окочурится. Кидай его ему на брюхо. Так. И ключи не забудь. А то как он потом сюда попадет? Газ проверь. Имущество ему мы портить не будем. Пока.

Через пару минут мы покинули квартиру с «трупом» на носилках. Сашино лицо было накрыто простыней.

Поскольку Вася сидел в машине, не выключая двигателя, а я была крупнее и сильнее тети Вики, носилки пришлось нести нам с Колей. К сожалению, в лифт не поместились, так что рванули вниз по лестнице.

- Он не свалится? - уточнила я, когда носилки резко накренились вправо.

- Пристегнут, - бросил через плечо Коля, возглавлявший шествие. Тетя Вика его замыкала.

При виде нас Вася открыл заднюю дверцу. В этот момент во двор въехало такси и притормозило прямо перед Сашиным парадным. Из такси выпорхнула юная леди (правда, меня она была постарше года на два), благоухающая «Опиумом». При виде нашей компании с соответствующими носилками таксист сразу же дал по газам и двор покинул. А девица застыла с открытым ртом.

- Чего глядишь? Покойников, что ли, никогда не видела? - осклабился Коля беззубым ртом.

Тут как раз дунул ветерок и простыню с Сашиного лица скинул. Девица глянула - и стала оседать на обледенелый асфальт. Тетя Вика с трудом успела ее подхватить.

- Быстро все в машину! - прошипела на нас.

Сама оттащила девицу в парадное и посадила там между дверьми, быстро выскочила, заняла место рядом со мной, и мы рванули с места.

- Очень некстати, - заметила Виктория Александровна.

- А может, наоборот? - посмотрела на нее я. - Всем расскажет, что он мертв, - и я кивнула назад. - А там они пусть сами разбираются.

Кто такие «они», я не уточняла. Но хотелось бы взглянуть на лица Сашиных друзей, когда они его снова увидят. Я хихикнула, представив картину. Мы с тетей Викой переглянулись и друг другу подмигнули.

Вскоре Вася уже тормозил у морга, они с Колей перетащили еще не очухавшегося Сашу на стол в комнате с холодильниками и тут же стали открывать камеры, вытаскивая имевшихся в наличии покойников, которых при помощи тети Вики разложили по всем соседним столам. Для психологического эффекта, пояснила Виктория Александровна. Чтобы клиент созрел сразу, и мы не теряли времени зря.

Первые пять минут у меня было желание грохнуться в обморок, но сообщники меня подбадривали, тетя Вика напоминала, зачем мы все это делаем, а также давила на то, что негодяй не только мог спасти множество людей, погибших в «Сфинксе», но и бросил меня, как использованный презерватив.

– Я точно вижу – «новый русский», – тем временем говорил Вася, уже Сашу раздевший. – Эх, его бы скальпелем...

– Успеется, – сказала тетя Вика, сама тем временем прошла к шкафчику с инструментами, вынула несколько, протянула каждому из нас, остановилась у ближайшего к Саше трупа, вонзила скальпель в ямочку на шее между ключицами и рванула его вниз, распоров тело. Меня вытошнило. На голого Сашу.

– А ты, Ксения, подумай, как девчонки на воздух взлетали, – тем временем говорила тетя Вика, и в глазах у нее опять горел огонь безумия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/zhukova-gladkova_mariya/geroy-zhestokogo-romana

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)